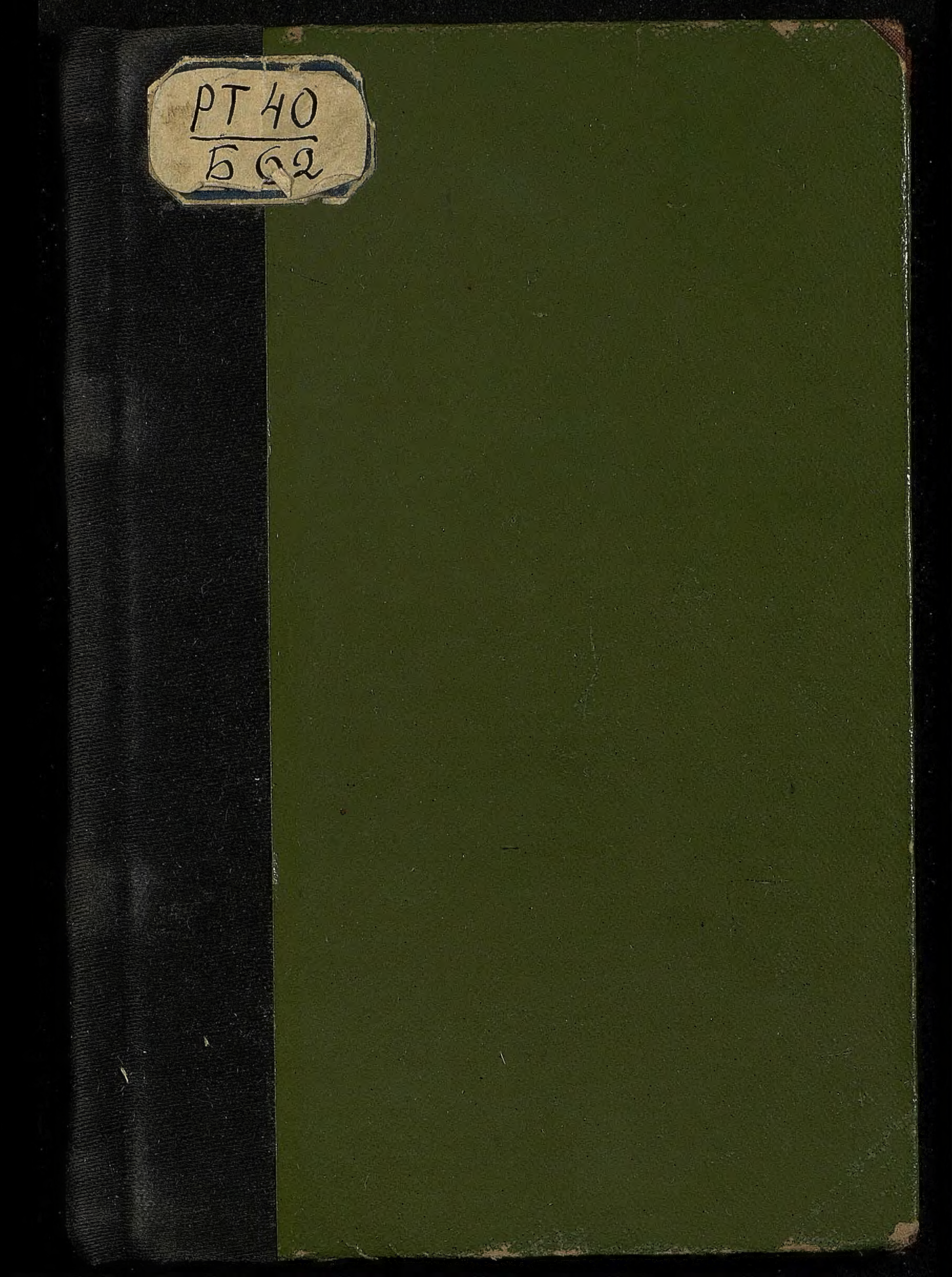

Проф. И. А. БОДУЭН-де-КУРТЕНЭ.

Объ отношенiи РУССКАГО ПИСЬМА к русскому языку.

С.-ПЕТЕРБУРГ, 1912 г.

Типографія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

СПБургъ, Измайловскій пр., 29.
1912 г.

ЧАСТЬ I.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПИСЬМѢ и ЯЗЫКѢ.

1. Связь оптическаго и акустическаго в языкѣ.

Во внѣшнем, внѣчеловѣческом мірѣ нѣт ни- § 1.
какой непосредственной связи между оптическими явленіями, подходящими под понятіе письма, и между акустическими явленіями, подводимыми под понятіе языка. Ни „буквы“, как наносимыя на физическія тѣла начертанія, ни какіе бы то ни было другіе письменные знаки или же их сочетанія не могут сами собою перейти в звуковыя явленія, свойственныя человѣческому языковому общенію. Точно также звуковым и всѣм прочим явленіям, сопряжонным с процесом междучеловѣческаго общенія в области произносительно-слуховой, чужд непосредственный переход в элементы и их сочетанія, свойственные писанно-зрительной сторонѣ междучеловѣческаго общенія.

Конечно, всякое „писаніе“ может сопровождаться извѣстными акустическими явленіями.

Таковы, напримѣр, скрип пера, звук при нажимѣ мѣла на доску или при вырѣзываніи долотом „букв“ на каменной плитѣ и т. п. Но вѣдь всѣ эти акустическія явленія остаются внѣ сферы человѣческаго языка.

Точно также акустическія дрожанія или вибраціи окружающей произносящаго человѣка упругой среды, прежде всего воздуха, могут вызывать и даже всегда вызывают перемѣщенія пространственных соотношеній между частицами матеріи, а эти перемѣщенія могут или производить только преходящія оптическія явленія, или же оставлять видимые слѣды на болѣе или менѣе продолжительное время. Сюда относятся, с одной стороны, свойственныя произношенію отдѣльных гласных кривыя пламени, находящагося на пути прохожденія волн вибрирующаго воздуха, или же кривыя, образуемыя покрывающим стеклянную плиту песком под вліяніем тѣх же разнородных вибрацій воздуха, свойственных произношенію отдѣльных гласных, с другой же стороны постоянные слѣды, наносимые акустическими процесами на валики фонографа.

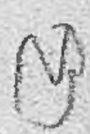
Физіологическія работы человѣческаго организма, вызываемыя потребностью произношенія, переходят, правда, в колебаніе окружающей упругой среды и ведут к преходящему ряду своеобразных акустических явленій, но, разсматриваемыя сами по себѣ, онѣ остаются своеобразными механическими работами, без всякой связи с физіологическими же работами, вызываемыми потребностью писать. В окончательном результатѣ эти послѣднія работы, работы „писательскія“ или т. п., ведут к появленію остающагося во внѣшнем мірѣ ряда своеобразных оптических форм, но тоже лишены всякой связи с тѣми физіологическими работами, работами произносительными.

§ 2.

Слѣдовательно, письмо и язык, взятые в § 2.
отвлеченіи, как двѣ разнородныя групы явленій внѣшняго, внѣчеловѣческаго міра, представляют из себя чуждыя друг другу, несоизмѣримыя величины. С такой точки зрѣнія очертанія письма могут составлять предмет оптики вообще или же геометріи, произносимые же звуки — предмет общей акустики. Сопряжонными с производством тѣх и других работами и движеніями, как и всякими другими работами и движеніями, должна заниматься механика. С новѣйшей точки зрѣнія, всѣ эти явленія и процесы, как акустическіе и оптическіе, так и механическіе, должны составлять предмет изслѣдованія общей энергетики, как науки о жизни вселенной. Совершенно же лишним оказывается при этом разсмотрѣніе с лингвистической или языковѣдной (глотологической) точки зрѣнія.

Это вполнѣ понятно в виду того, что, разсматривая всѣ эти явленія в отвлеченіи от человѣка, мы забываем об их постоянно существующем, психически живом источникѣ, каковым необходимо считать человѣческую голову и человѣческую индивидуальную психику. Несомнѣнно существующія взаимоотношенія между письмом и языком мы можем установить только в таком случаѣ, если сведем их на надлежащую почву, на почву психическую.

Дѣйствительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психическою. При такой постановкѣ вопроса как письмо и его элементы, так и язык и его элементы превращаются в психическія величины, в психическія цѣнности. А так как и преходящіе звуки

языка во всем их разнообразіи и остающіяся буквы мы должны представлять себѣ происходящими и существующими во внѣшнем мірѣ, то, когда дѣло

доходит до психических величин и психических цѣнностей, и буквы и звуки надо замѣнить их психическими источниками, т.-е. представленіями букв и звуков, существующими и дѣйствующими постоянно и безпрерывно в индивидуальной человѣческой психикѣ.

§ 3. Между психическими элементами языка, т.-е. произносительно-слухового языкового мышленія, и между психическими элементами письма, т.-е. писанно-зрительнаго языкового мышленія, нѣт никакой необходимой „естественной“ связи, а имѣется только случайное психическое сцѣпленіе, называемое асоціаціей.

При этом надо различать сторону существованія психически живых языковых представленій и сторону их обнаруживанія при междучеловѣческом общеніи. Это общественное обнаруживаніе идет от психических центров по двум направленіям:

1) по направленію акустическаго обнаруживанія с помощью звукопроизводных работ и производимых этими работами звуков;

2) по направленію оптическаго обнаруживанія с помощью буквопроизводных работ и производимых этими работами букв и прочих начертаній, асоцируемых с общим представленіем человѣческаго языка или рѣчи человѣческой.

§ 4. Взаимоотношенія между языком и письмом имѣют мѣсто в языковом мышленіи отдѣльных индивидов, как носителей всякаго мышленія, стало-быть тоже и языковаго мышленія, сложившагося благодаря воздѣйствію, с одной стороны, произносительно-слуховых процесов, с другой же стороны писанно-зрительных процесов междучеловѣ-

ческаго общенія. Но не во всѣх головах имѣются результаты воздѣйствія тѣх и других процесов. Вообще же в каждом человѣческом колективѣ, объединенном с помощью извѣстнаго племенного и національнаго языка, точнѣе, языкового мышленія и его обнаруживанія, например, в данном случаѣ с помощью русскаго языкового мышленія и его обнаруживанія, можно различать, с этой точки зрѣнія, три главныя групы людей, с безчисленными переходными ступенями, а именно:

1) кандидатов в говорящіе, т.-е. младенцев или же иноязычников, попавших в данную племенную среду и подвергающихся языковому воздѣйствію с ея стороны, до тѣх пор, пока они сами не сдѣлаются дѣятельными участниками междучеловѣческаго общенія посредством даннаго племенного языка, т.-е. пока в их головах не будут насаждены живыя представленія даннаго языкового мышленія, сопровождаемыя автоматизмом обнаруживанія этих представленій в случаѣ общенія с другими индивидами;

2) людей только говорящих, т.-е. участвующих активно в междучеловѣческом общеніи с помощью произносительно-слуховых процесов даннаго языка, обусловленных возникновеніем в их головах соотвѣтственных произносительно-слуховых представленій;

3) людей не только говорящих, но и грамотных, т.-е. вселивших в свои головы писанно-зрительныя представленія и будущих в состояніи участвовать в междучеловѣческом общеніи путем обнаруживанія этих представленій.

Главною переходною стадіей от 1-й групы ко 2-й являются люди, уже понимающіе других, но сами еще не говорящіе; главным же пере-

ходным звеном от групы 2-й к 3-й — люди, уже читающіе, но сами ещо не пишущіе.

Само собою разумѣется, что глухонѣмые и слѣпые составляют особыя категоріи участников междучеловѣческаго общенія с помощью языка: глухонѣмые по отношенію ко 2-й групѣ, слѣпые же — по отношенію к 3-й групѣ (ср. § 6).

§ 5. Каждой из названных трех груп свойственна особая психика, слагающаяся благодаря вліянію мелких, но безпрестанно дѣйствующих факторов, какими в данном случаѣ являются всѣ моменты языкового мышленія и его обнаруживанія во время междучеловѣческаго общенія. Память человѣка только говорящаго сосредоточивается всецѣло на области произносительно-слуховых представленій и их обнаруживаній. Когда же память обременяется по части языка тоже представленіями писанно-зрительными, в связи с их обнаруживаніем, тогда должны страдать от этого выразительность и интенсивность прежних представленій исключительно произносительно-слухового характера.

В связи с этим должна мѣняться тоже объективизація мыслимаго по части языка. За немногими исключеніями, вполнѣ грамотный человѣк, объективизируя во внѣшнем мірѣ это мыслимое по части языка, видит его прежде всего написанным, т.-е. читает воображаемое, оперирует оптическими самовольными галюцинаціями. Человѣком только говорящим объективизація мыслимаго по части языка осуществляется вѣроятно с помощью произвольно вызываемых галюцинацій чисто акустическаго характера.

У человѣка только говорящаго, не-грамотнаго, не может быть рѣчи о каком бы то ни было отношеніи между письмом и языком. Отношеніе между

несуществующим и существующим совершенно невозможно. Стало-быть, разсматривая отношеніе между письмом и языком, мы имѣем в виду психику грамотнаго человѣка, т.-е. человѣка, голова котораго начинена языковыми представленіями не только произносительно-слуховыми, но тоже писанно-зрительными. Участіе же такого человѣка в языковом общеніи идет по двум путям: по пути обнаруживанія и восприниманія представленій произносительно-слуховых и по пути обнаруживанія и восприниманія представленій писанно-зрительных.

2. Различія и паралели оптической (зрительной) и акустической (слуховой) стороны языка.

При опредѣленіи различій между письмом и языком надо постоянно помнить слѣдующее: § 6.

1) Сцѣпленія (асоціаціи) произносительно-слуховых и писанно-зрительных представленій происходят в мозговом или психическом центрѣ. Междучеловѣческое же общеніе с помощью языка идет по двум путям:

от фонем и прочих произносительно-слуховых представленій к физіологическим звукопроизводным работам, сопровождаемым мускульными (двигательными) ощущеніями и затѣм к звуковым (акустическим) явленіям, которыя воспринимаются слухом, как акустическія ощущенія, подводимыя под соотвѣтствующія им произносительно-слуховыя представленія;

от графем и прочих писанно-зрительных представленій к своеобразным физіологическим работам и к их зрительным (оптическим) обнаруживаніям, которыя с своей стороны восприним-

ются зрѣніем, как оптическія ощущенія, и подводятся под соотвѣтствующія им писанно-зрительныя представленія.

2) При этом как в области произносительно-слухового, так и в области писанно-зрительнаго общенія слѣдует отличать общеніе даннаго лица с другими от его общенія с самим собою. И центры языкового мышленія, и выходныя, производительныя, и входныя, воспринимательныя стороны располагаются здѣсь неодинаково. Пути процеса языкового общенія представляют при этом различную очередь частных звеньев или этапов.

Особый случай с точки зрѣнія междучеловѣческаго общенія, как с другими лицами, так и с самим собою, как в произносительно-слуховой, так и в писанно-зрительной области, представляют с одной стороны глухонѣмые, с другой же стороны слѣпые (ср. § 4).

3) Различія между существованіем и обнаруживаніем произносительно-слуховых представленій, с одной стороны, и между существованіем и обнаруживаніем представленій писанно-зрительных, с другой стороны, могут быть:

а) или с соотвѣтствіями в той и другой области, т.-е., что извѣстным особенностям произносительно-слухового соотвѣтствуют извѣстныя особенности писанно-зрительнаго;

б) или без соотвѣтствій, благодаря природѣ окружающей нас внѣчеловѣческой среды, равно как и природѣ исполнительных и воспринимательных органов нашего организма в той и другой области.

---

§ 7. Перехожу теперь к обозрѣнію отдѣльных различій и паралелей между произносительно-слуховой и писанно-зрительной стороной языкового мышленія и его обнаруживанія.

§§ 7—8.

1) Прежде всего слѣдует отмѣтить различіе способов и органических средств осуществленія той и другой стороны языковой дѣятельности.

Произносительно-слуховое осуществляется с помощью многолинейнаго, сложнаго, органически расчлененнаго апарата в верхней части человѣческаго тѣла, начиная грудною полостью и кончая губами. Этот естественный апарат незамѣним, как и апараты всѣх вообще физіологических функцій.

Во время обнаруживанія произносительно-слухового языка совершается одновременно нѣсколько паралельных произносительно-слуховых теченій, т.-е. произносительная работа происходит одновременно в нѣскольких мѣстах или в нѣскольких частях организма, вызывая в каждой из них отдѣльное мускульное чувство. В связи с этим каждое акустическое проявленіе междучеловѣческаго общенія состоит из нѣскольких дальше неразложимых элементов. Само собою разумѣется, что то же самое повторяется и в самом языковом мышленіи в области произносительно-слуховых представленій.

Писанно-зрительное осуществляется с помощью однолинейнаго, органически нерасчлененнаго апарата, т.-е. с помощью руки и самых разнообразных ея замѣнителей и продолжателей во внѣшнем, внѣчеловѣческом мірѣ. При этом необходимо отмѣтить различіе: осуществленія письма в строгом смыслѣ этого слова посредством движеній руки и ея продолжателей или замѣнителей; печати посредством набора литер; писанія посредством пишущей машины, и т. д.

2) При выходѣ произносительно-слухового из человѣческой психики во внѣшній мір играет роль окружающая нас упругая среда, включая § 8.

сюда и собственное тѣло. В этой упругой средѣ возникают преходящія колебанія или вибраціи, друг в друга переходящія.

При обнаруживаніи же писанно-зрительных представленій во внѣшнем мірѣ необходимым условіем общественной цѣлесообразности является непосредственное соприкосновеніе с твердым матеріалом, на который наносятся очертанія. При этом использовываются или краски, или же пространственныя измѣренія.

§ 9. 3) Продукты произносительно-слуховых процесов слышатся, т.-е. воспринимаются ухом и вообще слухом; продукты же писанно-зрительных процесов видятся, т.-е. воспринимаются глазом и вообще зрѣніем.

Глухонѣмые не могут участвовать в слышаніи, замѣняя его зрѣніем и, если сами произносят, тоже мускульным чувством. Слѣпые не могут участвовать в восприниманіи зрѣніем и при обученіи своеобразному чтенію замѣняют зрѣніе осязаніем.

§ 10. 4) Фонемы, как единицы произносительно-слухового языка, объединяемыя одновременностью исполненія нѣскольких физіологических работ, сопровождаемых мускульным чувством, и одновременностью восприниманія соотвѣтствующих этим работам акустических впечатлѣній, разлагаются на болѣе дробные, далѣе уже не разлагаемые психически живые элементы: с одной стороны представленія отдѣльных работ (кинемы), с другой же стороны представленія отдѣльных акустических впечатлѣній (акусмы). Между тѣм графемы, как простѣйшіе элементы языка писанно-зрительнаго, обыкновенно дальше не могут разлагаться.

Вообще характеристическим признаком фонем

слѣдует считать их разложимость, характеристическим же признаком графем их неразложимость.

Так напримѣр, представленіе работы (кинема) губ не асоцируется ни с каким опредѣленным писанно-зрительным элементом, а частично асоцируется с нѣсколькими графемами, в русском языковом мышленіи с графемами *п б м ф в у ю*.

Психически недѣлимыя графемы вызывают асоціацію с цѣлою групою представленій работ (кинем) и их акустических результатов (акусм), объединенною представленіем одновременности исполненія и восприниманія. Так в русском языковом мышленіи графема может асоцироваться:

а) или с групою представленій работ, в своей совокупности составляющих фонему: *ж, ш, ч, ц*;

б) или с двумя групами представленій работ, в своей совокупности составляющих двѣ фонемы: *щ*, иногда *я, ю* . . . . (см. §§ 39, 42, 56, 58);

в) или с групою представленій работ, в своей совокупности составляющих неполную фонему: *б, в, г, д* . . . ;

г) или с групою представленій работ, асоціируемою нетолько с представленіем цѣльной фонемы, но тоже с представленіем одного из составных элементов другой фонемы: *я, ю, ѣ, е, и* | *а, у, э, о, ы*;

б) или же, наконец, только с одним произносительно-слуховым представленіем, входящим в состав извѣстной фонемы: *ъ, ь*.

Для большинства фонем русскаго языкового мышленія нѣт подходящих графем, которыя асоціировались бы с ними без остатка (без излишка), но и без недостатка (см. §§ 62, 65, 66).

Для простѣйших произносительно-слуховых элементов, т.-е. для отдѣльных кинем и акусм, только в рѣдких случаях имѣются опредѣленные писанно-зрительные символы. Примѣненіе таких особых

отличительных, діакритических значков, представленіе которых асоціируется с отдѣльными кинемами и акусмами, составляет исключеніе в области писанно-зрительных представленій. Таковы напримѣр: ´ ` ˆ ˘ ¯ ˳ ˜; в русской письменности ˘ в *й*, затѣм *ъ*, *ь* (хотя непослѣдовательно) (см. §§ 46, 57, 64, 70).

§ 11. 5) Каждовременный процес междучеловѣческаго общенія в области произносительно-слуховой представляет замкнутый в себѣ, законченный процес: существующія в психикѣ произносительныя представленія обнаруживаются посредством работ организма, каждая из которых сопровождается свойственным ей мускульным чувством; эти работы выходят во внѣшній мір, вызывая в нем соотвѣтственныя колебанія, доводящія до нашего уха и воспринимательнаго центра опредѣленныя акустическія впечатлѣнія и ощущенія. В извѣстных случаях процес междучеловѣческаго общенія с помощью произносительно-слуховых проявленій может сокращаться, т.-е. быть неполным: произносительныя работы, правда, происходят, но или, вслѣдствіе слишком большого разстоянія, акустическій процес, совершающійся в физической, внѣчеловѣческой средѣ, не доходит до уха других членов языкового общенія, или же, благодаря полному отсутствію вниманія со стороны слушающаго, отсутствуют акустическія ощущенія и впечатлѣнія. Глухонѣмые при этом, конечно, исключаются из разсмотрѣнія.

Другой характер носят каждовременные процесы междучеловѣческаго общенія с помощью обнаруживанія писанно-зрительных представленій. Обыкновенно здѣсь замѣчается болѣе или менѣе продолжительный промежуток между нанесеніем начертаній на твердый матеріал и их воспри-

ниманіем другими членами междучеловѣческаго общенія. Законченный процес, цѣльный процес без перерывов представляет в этой области только частный случай (напримѣр: при чтеніи в классѣ того, что написано учителем или одним из учеников на доскѣ).

В связи с этим находится различный характер непосредственнаго общенія по телефону и посредственнаго общенія с помощью телеграфа.

6) Но различіе между безпрерывностью писанно-зрительнаго языка и прерываемостью языка писанно-зрительнаго при их обнаруживаніи должно быть понимаемо в двояком смыслѣ: § 12.

с одной стороны, как только что изложено под № 5 (§ 11), каждовременный процес языкового общенія с помощью произносительно-слухового языка представляет из себя непрерываемое, замкнутое в себѣ, законченное цѣлое, тогда как процесам языкового общенія с помощью языка писанно-зрительнаго свойственны болѣе или менѣе значительные перерывы и промежутки между их отдѣльными звеньями;

с другой же стороны рѣч индивидуальная, (т.-е. обнаруживаніе произносительно-слухового индивидуальнаго мышленія) течот безпрерывно и воспринимается безпрерывно, писанное же постоянно прерывается.

Произносительно-слуховое мыслится и обнаруживается в рядѣ безпрерывно друг за другом слѣдующих сочетаній одновременно происходящих работ и соотвѣтствующих этим сочетаніям работ сложных акустических впечатлѣній. Каждая из одновременных работ сопровождается свойственным ей мускульным чувством. Каждое же сложное акустическое впечатлѣніе разлагается на част-

ные элементы, соотвѣтствующіе порознь отдѣльным работам произносительнаго апарата (ср. № 4, § 10).

Писанно-зрительное мыслится в отдѣльных, друг от друга отдѣленных, обособленных единицах, единицах разной степени.

Ряд графем, асоціируемых с представленіем одного написаннаго слова, мыслится совмѣстно с пробѣлами между этими графемами. Ряды же графем, асоціируемые с представленіями одно за другим слѣдующих слов, мыслятся тоже совмѣстно с болѣе значительными пробѣлами, отдѣляющими одно написанное слово от другого.

{При этом напомню, что обнаруженная графема становится буквою, точно так же как и обнаруженная фонема становится звуком (см. § 6)}.

Написанным с пробѣлами словам, сочетаніям слов, предложеніям и т. д. в родѣ

[тамъ], [вода], [по пусту]...

[котелъ и горшокъ],

[на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ]

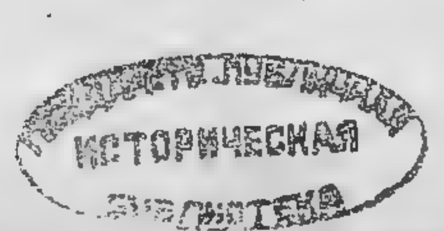
и т. д.,

вообще всему тому, что читатель имѣет перед глазами в видѣ каких-то отдѣленных друг от друга единиц, соотвѣтствует в мірѣ произносительно-слуховом, т.-е. для говорящаго и для слушателя, безпрерывное теченіе физіологических работ и акустических впечатлѣній. Всякіе перерывы, паузы, отдѣленія одних элементов от других являются в области произносительно-слуховой частным случаем, свойственным или временной остановкѣ рѣчи, или полному ея прекращенію в данную минуту, или же, наконец, извѣстным произносительным недостаткам, в родѣ заиканія или т. п.

Мышленіе рядов графем с пробѣлами сказывается теперь особенно в печати, гдѣ каждая

буква стоит отдѣльно, не соединяясь с другой. Но вѣдь и в бѣглом письмѣ соединеніе одних букв с другими происходит только для сбереженія труда, чтобы не отрывать руки и не переставать дѣйствовать налегшим на твердый предмет графическим орудіем (пером или карандашом на бумагѣ, мѣлом на доскѣ и т. п.). В изящно же составленных рукописях прежних времен каждая буква отдѣляется от другой. Да впрочем и теперь, несмотря на всѣ соединенія писанных букв, в идеалѣ каждая буква мыслится отдѣльно, а уж во всяком случаѣ „слова" пишутся раздѣльно, с паузами. Между тѣм языку произносительно-слуховому свойственно обнаруживаніе слѣдующих друг за другом фонем совмѣстно с безпрерывными переходами от предшествующей фонемы к слѣдующей, и это не только в отдѣльных словах, но и в сочетаніях слов, вообще в текущей рѣчи.

§ 13. Так как опредѣленіем произносительно-слуховых единиц люди занялись только под вліяніем потребности устанавливать единицы писанно-зрительныя, то разъединенность и прерываемость, отдѣлимость и отрывочность элементов писанно-зрительнаго языка должны были отразиться и до сих пор отражаются тоже на опредѣленіи элементов произносительно-слухового языка. Так называемые „звуки" и соотвѣтствующіе им психическія единицы, фонемы, представляют из себя не объективно друг от друга отдѣленныя единицы, а только вырѣзки из безпрерывнаго ряда, с одной стороны, физіологических работ, сопровождаемых мускульным чувством, с другой же стороны, соотвѣтствующих этим работам акустических впечатлѣній (в психическом центрѣ: представленій всего этого), вырѣзки, объединяемые

одновременностью исполненія и фактической нераздѣляемостью этихъ работ и этих акустических впечатлѣній.

Впрочем слѣдует замѣтить, что и в произносительно-слуховой области само исполненіе совершается, правда, безпрерывно, но отдѣльные произносительно-слуховые психическіе элементы (фонемы, кинемы, акусмы) представляются тоже в видѣ отдѣльных единиц. [Элементами произносительно-слухового языка являются „звуки", фонемы, разлагаемыя на кинемы и акусмы; элементами же писанно-зрительнаго языка—„буквы", неразлагаемыя графемы]. Стало-быть, безпрерывное, нераздѣльное имѣется здѣсь во внѣчеловѣческой природѣ, отдѣленіе же единиц происходит в психикѣ.

Значит, различіе между произносительно-слуховым и писанно-зрительным сказывается только при обнаруживаніи и восприниманіи; с индивидуально-психической же стороны надо констатировать сходство между этими двумя областями языковой дѣятельности, т.-е. между областью писанно-зрительной и произносительно-слуховой.

§ 14. Различіе между безпрерывностью языка произносительно-слухового и прерываемостью языка писанно-зрительнаго сказалось между прочим в названіях того и другого процеса обнаруживанія языковых представленій. Как всѣ прочія названія, так и эти являются слѣдствіем перенесенія названія части на цѣлое. И вот названія письма („писать", „scribere", „γράφειν"...) берут начало от того звена этого сложнаго процеса человѣческаго общенія, которое состоит в актѣ нанесенія писанных (рѣзанных, цвѣтных . . .) начертаній на предметы внѣшняго міра. Этот-то акт и сопряжон прежде всего с прерываемостью процеса междучеловѣче-

скаго общенія с помощью письма. Названія же для „языка", для „рѣчи", для „слова"... берут начало от выходной стороны общенія или же от главных звукопроизводных органов рѣчи.

7) Затѣм, одним из основных различій между письмом (писанно-зрительным языком) и языком (произносительно-слуховым языком), между буквами и „звуками", между графемами и фонемами является безпредѣльная, ничѣм неограниченная растяжимость и измѣняемость графем, не устраняющая вовсе представленія языкового тожества всѣх этих видоизмѣненій, тогда как растяжимость и измѣняемость фонем ограничена строго опредѣленными максимумами и минимумами во всѣх направленіях. § 15.

Разные частные случаи обнаруживанія одной фонемы одноименнаго языкового мышленія в области произносительно-слуховой (напримѣр, русскаго языкового мышленія, т.-е., популярно выражаясь, русскаго „языка") могут быть дольше и короче, сильнѣе и слабѣе и т. д., но их продолжительность и напряженіе не могут переступать извѣстнаго максимума, а их краткость и слабость не могут нисходить ниже извѣстнаго минимума, не теряя связи с общим, их всѣх объединяющим представленіем одной и той же фонемы и вообще одного и того же произносительно-слухового элемента. Произносящій может кричать, но громкость его крика имѣет свои предѣлы; он может говорить шопотом и вообще все тише и тише, но наконец его тихое произношеніе становится совершенно неслышным, теряя таким образом всякую связь с произносительно-слуховою стороною человѣческаго языка. В разных участниках одного и того же языкового колектива допустимы самые разнообразные индивидуальные тембры голоса (со-

прано, альт, тенор, баритон, бас...) и другіе оттѣнки, допустимы индивидуальныя окраски произношенія, допустимы различныя модуляціи голоса одного и того же индивида, в зависимости от его настроенія и от разных других обстоятельств, но всѣ эти различія качественнаго характера в количественном отношеніи вращаются в извѣстных предѣлах, не восходя выше извѣстнаго максимума и не опускаясь ниже извѣстнаго минимума.

Совсѣм не то в области графических, писанно-зрительных представленій. Здѣсь растяжимости по всѣм направленіям пространственной (геометрической) видоизмѣняемости, как в сторону безконечно малаго, так и в сторону безконечно великаго, нѣт никаких предѣлов. Каждую графему мы можем представить себѣ чуть ли не безконечно малой, равно как и чуть ли не безконечно великой.

В предѣлах каждаго единичнаго графическаго представленія имѣется громадная растяжимость и измѣняемость возможных исполненій и, стало-быть, впечатлѣній.

§ 16. Вообще оптическая видоизмѣняемость, т.-е. многообразіе и разнообразіе, одних и тѣх же графем, в отличіе от акустической видоизмѣняемости, т.-е. разнообразія фонем, сводится, между прочим, к слѣдующим частностям:

а) Различіе индивидуальных почерков, различіе средних колективных почерков: почерков національных, почерков, свойственных извѣстным територіям (странам, провинціям и т. п.), почерков, свойственных извѣстным эпохам („столѣтіям" и т. п.). Разсмотрѣніе и сравненіе этих разнообразій дало начало научной дисциплинѣ, называемой палеографіей (при чом первая часть этого слова, „палео-", наводит на ложное предположеніе,

будто можно заниматься изученіем только старинных рукописей, игнорируя современныя и вообще болѣе новыя).

Этому разнообразію графем соотвѣствует в области акустической, в области произносительно-слухового языка различіе индивидуальных тембров (оттѣнков) голоса, равно как и тембров средних, колективных: по половой принадлежности, по возрасту, по говору и т. д.

b) Очертанія печатных букв отличаются от очертаній писанных букв (печать и письмо). В печати различаются устав (антиква) и курсив, разные другіе шрифты. § 17.

В области произносительно-слухового языка различія, соотвѣтствующаго отпическому различенію печати и письма, нѣт. Можно бы развѣ назвать разницу между голосом живого человѣка, передаваемым непосредственно через воздушную среду, между голосом, передаваемым по телефону, и между голосом, воспроизводимым с помощью фонографа или грамофона.

c) И в печати и в письмѣ различаем буквы разнаго стиля и характера. В области русскаго письма и печати рядом с гражданским шрифтом существует церковный, в области латинскаго письма рядом с уставом (антиквою) ломанный готическій шрифт (как уклоненіе от первоначальнаго латинскаго). Назовем тоже разныя украшенія, выкрутасы, монограмы, вязи и т. п.

В области языка произносительно-слухового этому различію соотвѣтствует различеніе рѣчи торжественной и публичной (каѳедра, ораторская трибуна), рѣчи сценической (театральной) и рѣчи обыденной, будничной; затѣм различеніе рѣчи страстной, приподнятой и обыкновенной, спокойной.

§ 18. d) Имѣются разные типы форм графических элементов или букв: буквы круглыя и прямыя (рондо), наклонныя, продолговатыя, кривыя и т. д.

Писанныя буквы могут наклоняться то в ту, то в другую сторону, то на право, то на лѣво, представляя при этом только различные способы обнаруживанія одних и тѣх же психических элементов, графем.

В области языка произносительно-слухового этому соотвѣтствует различеніе протяжных, отрывистых и т. п. звуков.

е) О безконечном разнообразіи геометрических величин мною упомянуто выше (§ 15). Различіе в печати шрифтов разной величины (нонпарель, миньон, петит, боргез, цицеро, разные заглавные шрифты...) разумѣется само собою, точно так же как и различіе величины писанных букв. Но рядом с этим не забудем о „дельтах" рѣк, напр., „дельта Нила", о нѣмецких названіях „*X*-Beine" („ноги *икс*", т.-е. ноги, сходящіяся колѣнками и расходящіяся внизу), „*O*-Beine" („ноги *O*", т.-е. ноги дугообразныя, расходящіяся у колѣн и сходящіяся внизу).

В области произносительно-слуховой этому соотвѣтствует различеніе сильнаго и слабаго произношенія и т. п.

§ 19. f) Из предшествующаго явствует, что оптическая мѣняемость и разнообразіе (многообразіе) графем касается, с одной стороны, их относительной величины и вообще их пространственной растяжимости по двум измѣреніям (в исключительных случаях, как напр., при буквах, рѣзанных на камнѣ, по трем измѣреніям), с другой же стороны, взаимоотношенія их очертаній (разныя формы гра-

фем, как разныя геометрическія фигуры). Рядом с этим слѣдует отмѣтить красочную мѣняемость графем. Вѣдь при писаніи мы можем пользоваться чернилами разных цвѣтов, а чорная типографская туш может быть замѣнена разнообразными красками: буквы чорныя, синія, красныя, зеленыя, жолтыя, фіолетовыя..., бѣлыя (прежде всего мѣлом на чорной доскѣ). Но буквы могут быть тоже совершенно без красок, или по крайней мѣрѣ такія, что краски для них дѣло второстепенное. Таковы нарѣзы на деревѣ, клинообразныя написи на скалах, очертанія палкою на пескѣ, пальцем на влажном стеклѣ и т. п.

Краскам оптических элементов писанно-зрительнаго языка в области произносительно-слуховой соотвѣтствуют приблизительно тембры голосов человѣческих.

g) Затѣм укажем на геометрическое различіе букв больших или прописных и малых, различіе, в русском алфавитѣ менѣе значительное, чѣм в алфавитѣ латинском. С функціональной стороны, т.-е. со стороны назначенія, с этим различеніем можно сопоставить различеніе букв жирных и обыкновенных, различеніе курсива, разрядки и устава. § 20.

В области произносительно-слуховой этому соотвѣтствует различеніе разных акцентов, как физіологических (удареніе, интонація и т. п.), так и психических (разныя цѣнности отдѣльных произносительно-слуховых элементов языка).

8) Многообразіе (разныя формы) графем, рядом с простым разнообразіем фонем, сказывается прежде всего в том, что самыя разнообразныя представленія разных начертаній одной и той же „буквы“, т.-е. графических альтернацій или чередованій, объединяются в одну групу благодаря § 21.

асоціаціи с одною и тою же групою произнос-
тельно-слуховых представленій (кинем и акус-
т.-е. или с отдѣльною фонемой, или с неполн-
фонемой, или же с цѣльною фонемой плюс кака-
нибудь другая особенность. Достаточно указать
самыя разнообразныя начертанія, свойственныя ру-
ским графемам [д], [т], [e], [ѣ]:

Д д (большая и малая буквы печатнаго устав

Д д (большая и малая буквы печатнаго курсив

D д g (большая и малая буквы рукописи)

Т т *Т т* *Т т*

Е е *Е е* *Е е*

Ѣ ѣ *Ѣ ѣ* *Ѣ ѣ*......

Благодаря этому, слова, напримѣр, *день* и *тѣ*
могут быть изображены на письмѣ самым разн-
образным способом:

ДЕНЬ День *ДЕНЬ* *День* *ДЕНЬ* *Де*

день *день* *день* *день*...

ТѢНЬ Тѣнь *ТѢНЬ* *Тѣнь* *ТѢН*

Тѣнь *Тѣнь* тѣнь *тѣнь* *тѣнь*

тѣнь...

Исторически, в глубинѣ вѣков, всѣ эти граф-
ческія видоизмѣненія одной и той же графе-
сводятся к одному представленію:

для видоизмѣненій графемы [д]... Д,
" " " [т]... Т,
" " " [е]... Е

и т. п.

Не всѣ указанныя видоизмѣненія отдѣльных графем могут считаться одинаково цѣнными: одни из них дѣйствительно только чисто графическаго („калиграфическаго" и „типографскаго") характера и могут быть подставляемы одно вмѣсто другого, не нарушая тожества асоціацій с представленіями из области произносительно-слухового языка. Однакож при различеніи больших и малых букв дѣло представляется нѣсколько иначе: хотя асоціаціи с представленіями произносительно-слуховыми остаются однѣ и тѣ же, но за то мѣняются асоціаціи с представленіями морфологическими и семасіологическими. Вѣдь представленіям больших букв свойственны другія асоціаціи этого рода, нежели представленіям малых букв (см. §§ 25, 84, 87).

9) Альтернаціи или чередованія графем бывают различных видов и степеней. Мы их здѣсь разсмотрим сравнительно с соотвѣтствующими им альтернаціями или чередованіями фонем в области произносительно-слухового языкового мышленія и его обнаруживанія. § 22.

а) Вообще слѣдует отмѣтить альтернаціи графем, связанных психически (асоціированных) с представленіем одной фонемы. Разновидности одной графемы объединяются асоціацією с одною фонемой, т.-е. с извѣстным комплексом-минимумом произносительно-слуховых представленій. Таковы напр. всѣ графическія разновидности, асоціируемыя с русскою фонемою [t], [s], [ť] („мягкое" *ť*), [o] (*o* ударяемое), [e] (*e* ударяемое) и т. п.

Этому оптическому (писанно-зрительному) разнообразію, объединяемому посредством акустическаго (произносительно-слухового) однообразія, нѣт собственно обратной паралели, хотя впрочем можно бы сюда подвести случаи, когда разныя фонемы, или альтернирующія (чередующіяся) в строгом смыслѣ этого слова, т.-е. альтернирующія на почвѣ морфологической, или же вовсе не альтернирующія, объединяются одним писанно-зрительным или же оптическим представленіем, т.-е. одною графемою, напр., в русском языковом мышленіи и его обнаруживаніи объединеніе с помощью графем *р* (*рот рта*..., *смотр смотра*...), *м* (*мыкать мкнут*...), *о* (*год года года годовой полгода*...) и т. п.

§ 23. б) Не выходя за предѣлы оптических, т.-е. писанно-зрительных, представленій, альтернируют (чередуются) между собою видоизмѣненія одного и того же обособленнаго графическаго представленія. Таковы, напр., разныя видоизмѣненія графемы *Д* (д „большое“ или „прописное“). Их объединеніе обусловлено асоціаціей с общим туманным представленіем единства этой растяжимой и разнообразящейся графемы, помимо асоціаціонной связи с соотвѣтственным комплексом произносительно-слуховых элементов.

В произносительно-слуховом языковом мышленіи и его обнаруживаніи аналогію этому графическому развѣтвленію и объединенію мы находим в дивергенціях или неофонетических альтернаціях (чередованіях) одной и той же фонемы, являющейся таким образом психическим объединителем всѣх этих видоизмѣненій. Напр., видоизмѣненія русской фонемы [е] в зависимости от сочетанія со слѣдующими звукопроизводными работами: широкое (открытое) перед „твердыми“ согласными, узкое

(закрытое) перед „мягкими“ согласными, среднее в концѣ „слова“, т.-е. в концѣ произносимаго ряда.

в) Совершенно различные графическіе типы, стало-быть, различныя графемы, альтернируют (чередуются) как „родственныя“, т.-е. объединяются психическою сочетаемостью или асоціаціей с одною фонемой, точнѣе, с одною и тою же групою фонем. Таковы, напримѣр, разныя русскія графемы, *т* (курсивное), *т ӯ* (рукописныя), т (печатное), *Т* (курсивное), *Т* (писанное), Т (печатное)..., связанныя между собою благодаря асоціаціи с фонемами [t] („твердое“) и [t́] („мягкое“)..., или же разныя графическія видоизмѣненія, связанныя общим названіем „буквы *ять*“. § 24.

Здѣсь нѣсколько опредѣленных графических представленій сочетается (асоцiируется) с представленіем одной графемы, единство которой обусловливается как сочетаемостью (асоціируемостью) с одним объединяющим представленіем произносительным (акустическим), с представленіем одной фонемы приблизительно, так и одним названіем, названіем, указывающим именно на эту асоціаціонную связь с представленіями из области произносительно-слухового языкового мышленія.

В произносительно-слуховом языкѣ этому виду графической альтернаціи соотвѣтствуют историческіе, традиціонные альтернанты, объединенные принадлежностью к составу „родственных“ альтернирующих морфем. Напр., в русском альтернаціи: [g ‖ ž] морфем [mog-] и [mož-] в словах *могу, могут* и *можеш, может* и т. д.; [v ‖ v́] морфем [voz-] и [v́oz-, v́ez-] в словах *воз, вожу* и *вез, везти*...; [e ‖ o] морфем [v́ez- ‖ v́oz-] в словах *везу* и *вез*...,

морфем [√vez- ‖ voz-] в словах *везу, везти*... и *воз, возит*...

§ 25. г) Оптическія альтернаціи графем могут быть утилизованы (использованы) в связи с различіем морфологических и семасіологических представленій языкового мышленія, т.-е. в связи с формою и со значеніем. Это будет „морфологизація" и „семасіологизація" писанно-зрительных (графических, оптических) различій. Таково различіе больших и малых букв, различіе устава, курсива и разрядки (в печати), различіе написаній подчоркнутых и неподчоркнутых букв (на письмѣ) и т. п.

Сюда точно так же должно быть отнесено умышленное различеніе относительной важности мѣст написаннаго с помощью различных красок. Так напримѣр, в старинных рукописях начальныя буквы и даже строки абзацов или глав отличались красным цвѣтом от остальных чорных букв. Этому обычаю мы и по нынѣ обязаны выраженіем „красная строка", „с красной строки".

В произносительно-слуховом языкѣ подобная же утилизація представленій работ и вызываемых этими работами акустических впечатлѣній сказывается в наличности корелятивов или психо-фонетических альтернацій (чередованій). „Морфологизація" различій произносительно-слуховых элементов сказывается в существованіи различных морфологических типов (склоненія, спряженія, „словообразованія"...). В русском языковом мышленіи стоят здѣсь на первом планѣ: различеніе работ средней части языка („твердость" и „мягкость") при согласных и различеніе ударяемости при гласных. „Семасіологизація" же свойственна всѣм произносительно-слуховым работам и их акустическим продолженіям. Напр., при различеніи русских [там] и [дам] сема-

сіологизуется различіе работ голосовых связок гортани, свойственное началу этих слов. В словах [баба] и [мама] семасіологизуется различіе работ мягкаго неба при согласных, начинающих оба слога: раз мягкое небо поднято и прижато, исключая возможность носового резонанса; другой раз оно опущено, что и ведет за собою проход воздуха в нос, вызывающій акустическое впечатлѣніе носового резонанса.

В исторіи произносительно-слухового языка мы можем отмѣтить, с одной стороны, распаденіе нѣкогда единых фонем на двѣ или больше, распаденіе единых морфем (и слов) на нѣсколько (двѣ и болѣе), с другой же стороны сліяніе и совпаденіе прежде различавшихся фонем в одной, сліяніе и совпаденіе прежде различавшихся морфем (и слов) в одной. Сходныя явленія представляет нам исторія писанно-зрительнаго языка. Из единой когда-то графемы получилось нѣсколько, или сохранивших связь между собою благодаря общей асоціаціи с представленіями произносительно-слуховых элементов, или же даже эту связь совершенно потерявших. Обратный историческій процес представляет из себя совпаденіе отдѣльных когда-то графем в одной. Сюда принадлежит в нѣкотором смыслѣ совпаденіе в русском языковом мышленіи графемы *е* с графемою *ѣ* („ять“). § 26.

Относительно разнообразія графем можно сдѣлать еще одно общее замѣчаніе, а именно, что это разнообразіе или „произвольно“, или же обусловлено различіем шрифта (в печати) или почерка (в письмѣ) (см. §§ 16—18). Кромѣ того имѣется различеніе обязательное тѣх же в сущности, но различно называемых и различно примѣняемых графем. Таковы в русском языковом мышленіи: § 27.

[е | ѣ], [и | і], [ф | ѳ], [и | і | ѵ] (насколько, конечно, сохраняем „ижицу“).

§ 28. 10) Растяжимость и мѣняемость произносительно-слуховая (т.-е., растяжимость и мѣняемость и произносительных работ и слуховых впечатлѣній) движется или вращается в границах естественных; она ограничена „естественными“, физіологическими условіями. Растяжимость же и мѣняемость писанно-зрительная, и со стороны исполненія и со стороны мыслимых возможностей, подвержена в значительной степени „произволу“ и игрѣ воображенія. Здѣсь, конечно, тоже имѣется своя „естественность“, но естественность психическая, волевая (волюнтарная) и созерцательная (интуитивная).

В области произносительно-слуховой царствует естественность в полном смыслѣ этого слова, в области же писанно-зрительной „произвол“ и „историческій случай“. При этом понятіе „историческаго“ примѣняется как по отношенію к исторіи человѣческих колективов (племен, народов, общественных груп..., всего человѣчества), так и по отношенію к исторіи индивидуальной, к исторіи отдѣльных лиц.

Это различіе растяжимости и мѣняемости двух областей языкового мышленія людей грамотных сказывается тоже в возможных галюцинаціях. Во снѣ ли или на яву, галюцинаціи по части писанно-зрительной, — как вообще все оптическое, — безконечно растяжимы и мѣняемы; галюцинаціи же по части произносительно-слуховой,—как вообще все акустическое, — ограничены извѣстными предѣльными формами. Да и вообще галюцинаціи и сонныя видѣнія распространяются по преимуществу на область видимаго, только в незначительной степени захватывая другія чувства. Вѣдь и говорится то о

сонных видѣніях, а не о „сонных слышаніях“ или т. п.

В связи с этим слѣдовало бы разсмотрѣть вопрос о глухонѣмых и слѣпых и об их отношеніи к галюцинаціям в области языкового мышленія (см. §§ 6, 9).

11) Существенное различіе между элементами произносительно-слухового языкового мышленія и его обнаруживанія и между элементами писанно-зрительнаго языкового мышленія и его обнаруживанія сказывается в различіи соотношенія „дѣйствующих сил“ (побужденій, стремленій к выходу наружу) с условіями дѣйствительности. Вліяніе различных „непреодолимых сил“ (vis major, force majeure) в этих двух областях языкового мышленія далеко не одинаково. § 29.

В области фонаціонно-аудиціонной (произносительно-слуховой) соотношеніе между „намѣреніем“ и его исполненіем гораздо болѣе уравновѣшено; измѣненія же под вліяніем „непреодолимых сил“, свойственных и произносительному апарату человѣческаго организма и окружающей нас упругой средѣ, относительно весьма незначительны.

Другое дѣло в области писанно-зрительной. Здѣсь пылкое воображеніе грамотнаго человѣка может расширять, уменьшать и вообще видоизмѣнять представленія графем до безконечности, ставя таким образом совершенно неисполнимыя задачи. Вслѣдствіе этого „покушенія с негодными средствами“ происходят здѣсь гораздо чаще, нежели в области произносительно-слуховой.

В значительной степени это зависит от основных различій того и другого процеса с выходной стороны, т.-е. со стороны исполненія работ, тре-

буемых для обнаруженія наших языковых представленій с помощью физических средств и ради междучеловѣческаго общенія. Работы произносительныя, необходимыя для производства акустическаго эфекта, связаннаго с общественным обнаруживаніем рѣчи человѣческой, безусловно незамѣнимы; вмѣсто работ наших произносительных органов мы не можем подставить ничего другого. При писаніи другая картина: здѣсь вмѣсто собственной пишущей руки можно подставлять другіе исполнительные апараты. Как во всѣх культурных проявленіях, так и здѣсь мы можем продлить себя во внѣшній мір; мы можем „диктовать" какому нибудь приспособленному для этого инструменту, машинѣ, другому человѣку, заставляя их наносить во внѣшнем внѣчеловѣческом мірѣ желаемые нами оптическіе слѣды.

В связи с этим находится скверное исполненіе наших графических намѣреній нашею собственною рукою. Разстояніе между таким „мараньем" и „пачканьем" и между графическою нормой и „идеалом" письма может быть громадно. Другое дѣло, когда собственноручное писаніе замѣняется фабричным механизмом: печать, пишущія машины и т. п.

§ 30. 12) Между продолжительностью физическаго существованія и сохраненія букв, как результатов обнаруживанія писанно-зрительных представленій или графем, и между продолжительностью физическаго существованія и сохраненія звуков, как результатов обнаруживанія произносительно-слуховых представленій или фонем (вмѣстѣ с другими болѣе сложными и болѣе простыми психическими элементами), имѣется значительная разница:

Написанное и вообще графически изображонное остается;

говоримое мгновенно проходит, исчезает.

Гдѣ изображены графемы, на какой матеріал нанесены буквы, в рукописях ли, в книгах, в надписях на стѣнах или т. п., на вывѣсках, на скалах (напр., клинообразныя надписи)..., это совершенно безразлично.

Мимолетность т. н. живой рѣчи, т.-е. произносительно-слуховых обнаруживаній, и относительная прочность письма, т.-е. обнаруживаній писанно-зрительных, выражена в поговорках:

в латинской „verba volant, scripta manent“

и в русской: „что написано пером, того не вырубиш топором“.

В связи с этим находится различіе между устным обязательством и писанным договором, между устным обѣщаніем возвратить долг и писанным векселем, между свидѣтельскими показаніями и писанными документами, между обычным правом и писанным закономъ, между устным преданіем и письменным памятником и т. д.

Всѣ акустическія проявленія проходят в данную минуту и воспоминаніе об них хранится единственно в человѣческих головах без помощи средств из внѣшняго, внѣчеловѣческаго міра. Всѣ же памятники человѣческой культуры, в том числѣ тоже т. н. памятники языка — оптическаго характера.

Только оптическія проявленія языковой дѣятельности человѣка, т.-е. проявленія из области писанно-зрительной, дѣлают возможным дѣйствительное общеніе людей на разстояніи, как в пространствѣ, так и во времени, как с самим собой, так и с другими (письмо, телеграф, записки для памяти и т. п.).

Телефон не составляет вовсе исключенія из общаго положенія о преходящем характерѣ аку-

стическаго. Телефон только увеличивает пространственное разстояніе, но исключительно в данную минуту. Он играет в области акустической такую же роль, как увеличительныя стекла при языковом общеніи в области оптической.

Только оптическія проявленія языкового общенія могут повторяться любое количество раз путем мультипликаціи, могут мультиплицироваться. Сюда относится списываніе написаннаго, печать и т. д.

Акустическое же может воспроизводиться и повторяться, — но не мультиплицироваться, — только с помощью оптическаго. Сюда прежде всего относятся фонограф и грамофон.

Ср. § 13 (прерываемость писанно-зрительнаго процеса).

§ 31. 13) Различія между произносительно-слуховой и между писанно-зрительной дѣятельностью человѣка объясняются в значительной мѣрѣ исторіей возникновенія и передачи, с начала произносительно-слуховых представленій в связи с их обнаруживаніем, и затѣм представленій писанно-зрительных в связи с их обнаруживаніем, как в отдѣльном индивидѣ, так и во всем человѣчествѣ.

Произносительно-слуховое является продуктом „природы“ в самом обширном смыслѣ этого слова (т.-е. природы физической, физіологической и психической) и, как отличительный біологическій и органическій признак человѣка, по сравненію с другими животными, может всецѣло составлять предмет науки, называемой „антропологіею“. Оно, произносительно-слуховое, на ряду с пѣніем, выдѣлилось, путем постепенной диференціаціи, из безпрерывнаго всестороннаго обнаруживанія или

§ 31.

„высказыванія“ внутренних переживаній человѣка. Стало-быть, произносительно-слуховое представляет из себя дальнѣйшее развитіе самодѣятельности человѣческаго организма в общественной средѣ.

Писанно-зрительное, хотя в концѣ концов тоже создалось на почвѣ „природы“, представляет все таки изобрѣтеніе человѣческое. Оно выдѣлилось из первобытнаго „рисунка“ и „живописи“, как способа прочнаго оптическаго обнаруживанія внутренних переживаній. Так называемыя „буквы“ являются потомками изображеній отдѣльных предметов или же оптических символов.

Сказанное относится к исторіи всего человѣчества. Что же касается исторіи отдѣльных индивидов, то здѣсь произносительно-слуховая сторона языкового мышленія и его обнаруживанія сложилась „сама собою“, как дальнѣйшее естественное физіологически-психическое развитіе полученных путем наслѣдственности способностей и стремленій, усиливающихся благодаря воздѣйствію других участников соціальнаго общежитія при посредствѣ окружающей нас физической среды. Произносительно-слуховое развивается в нас путем цѣлаго ряда акустических впечатлѣній, создающих произносительно-слуховыя представленія, асоціируемыя с представленіями морфологическими и семасіологическими и надѣленныя свойством обнаруживаться ради междучеловѣческаго общенія. Только как на частный случай слѣдует смотрѣть на сознательное изученіе извѣстнаго произносительно-слухового языка посредством письма, т.-е. посредством или самообученія при помощи книг, или же школьнаго обученія по старому методу.

Писанно-зрительное по части языка передается индивиду всегда посредством сознательной дресировки.

§ 32. 14) В связи с исторіей возникновенія обѣих сторон языкового мышленія и его обнаруживанія, стороны произносительно-слуховой и стороны писанно-зрительной, находится взаимная зависимость писанно-зрительных и произносительно--слуховых представленій.

У людей неграмотных представленія писанно-зрительныя отсутствуют и, слѣдовательно, у них не может быть никакой рѣчи об упомянутой зависимости. Писанно-зрительное и произносительно-слуховое могут взаимно обусловливаться только в психикѣ человѣка грамотнаго. „Функціональной зависимостью“ в смыслѣ математическом этой зависимости никоим образом назвать нельзя. Ибо вѣдь произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писанно-зрительнаго; писанно-зрительное же имѣет смысл, осмысляется только в связи с произносительно-слуховым.

Из этого вытекает зависимость графем от фонем, а не наоборот.

Нѣсколько иначе обстоит дѣло в письменностях идеографическаго характера, с т. н. „іероглифами“ или т. п. Точно так же и в наших письменностях, письменностях европейских и т. п., имѣется извѣстное количество символов, асоціируемых прямо с представленіями морфологическими и семасіологическими, без посредствующаго звена из области произносительно-слуховой.

---

§ 33. Из предшествующаго явствует, что мы должны строго различать „буквы“ и „звуки“, графемы

и фонемы, т.-е. писанно-зрительную и произносительно-слуховую сторону языкового мышленія грамотнаго человѣка, различать и по существу и в терминологіи.

С фонемою связано (асоціировано) представленіе произносительных работ, сопровождаемых мускульным (двигательным) чувством, и представленіе звука; с графемою связано представленіе писательской работы (не столь важной сама по себѣ, как работа произносительная) и представленіе буквы.

Слѣдует старательно избѣгать подстановки терминов из одной области языкового мышленія в другую область. Можно, напр., говорить о „долгих" и „кратких" (во времени) фонемах и звуках, но нельзя говорить о „долгих" и „кратких" (в этом смыслѣ) графемах и буквах. Зато можно говорить о графемах и буквах длинных и коротких. О „жирных буквах" можно говорить, но нельзя говорить о „жирных звуках". Нельзя тоже говорить о „глухих" или „нѣмых" буквах, так как вѣдь это термины чисто акустическіе, а не оптическіе. За то можно говорить о буквах, представленія которых асоціированы с представленіем глухого (не звонкаго) произношенія голосовыми связками гортани, или же с полным отсутствіем акустическаго элемента (с „нѣмотою").

Самым обыкновенным явленіем надо считать несовпаденіе числа „букв" (графем) и числа соотвѣтствующих этим буквам „звуков" (фонем). В спеціальном отдѣлѣ о русском алфавитѣ, графикѣ и правописаніи (§§ 37—83) будут приведены многіе случаи подобнаго несовпаденія; напр., *щ*, *я*, *бъ*, *бь* . . .

Выраженія в родѣ „этот документ звучит", „статья закона гласит" и т. п. основаны тоже до извѣстной степени на смѣшеніи терминологіи из области произносительно-слуховой с терминологіей

из области писанно-зрительной. Строго говоря, написанное, закрѣпленное в документѣ или в законѣ, не может „звучать“ и „гласить“. Но оно „гласит“ и „звучит“, когда мы его читаем.

§ 34. Из предшествующаго ясно, что в сущности нельзя говорить о „памятниках языка“, если под языком понимать произносительно-слуховую сторону языкового мышленія и его обнаруживанія. Памятники принадлежат к области писанно-зрительной, и поэтому единственно точным выраженіем будет „памятники письма“. Конечно, благодаря графически-фонетическим асоціаціям, т.-е. асоціаціям писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, мы можем по памятникам дѣлать заключенія об особенностях отразившагося в них языка произносительно-слухового; но от этого сами то памятники не перестают быть явленіями писанно-зрительными, вызывающими и расшевеливающими в сложной области языкового мышленія прежде всего наши писанно-зрительныя представленія.

В послѣднее время составляются архивы фонограм, т.-е. собранія фонографических валиков и пластинок, воспроизводящих произношеніе извѣстных лиц, как носителей того или другого произносительно-слухового языка. Но и на эти памятники нельзя смотрѣть как на памятники произносительно-слухового языка в строгом смыслѣ этого слова. В неподвижном, постоянном видѣ хранятся здѣсь только извѣстныя начертанія и углубленія, которыя, по приведеніи „памятника“ в соотвѣтственное движеніе, вызывают мимолетныя, преходящія акустическія впечатлѣнія, сходныя с первоначальными впечатлѣніями от произносительных работ и их продолженій во внѣшнем мірѣ, вызвавших эти на-

рѣзы, начертанія и углубленія на податливом матеріалѣ.

Сюда же, т.-е. к различенію письма и языка, относится историческій факт, что степени различія алфавитов вовсе не совпадают со степенями различія языков, т.-е. языковых мышленій и их обнаруживаній. Всѣ алфавиты являются историческою случайностью, в зависимости от географическаго сосѣдства, от культурнаго вліянія, от вѣроисповѣданія, наконец от „произвола“. § 35.

Русскій алфавит вовсе не связан с русским языком по существу; он с ним связан только благодаря исторической случайности.

Это общее положеніе подтверждается изобрѣтеніем все новых тайных, „условных“ алфавитов (криптографія) для одного и того же языка, равно как и возникновеніем тайных, „условных“ языков.

ЧАСТЬ II.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РУССКИМ ПИСЬМОМ и РУССКИМ ЯЗЫКОМ,

т.-е. между русскими произносительно-слуховыми представленіями и их обнаруживаніем и между русскими писанно-зрительными представленіями и их обнаруживаніем.

§ 36. Дѣлимость произносительно-слухового языкового мышленія и его обнаруживанія ведет нас в окончательном результатѣ к установленію его дальше неразложимых элементов не только со стороны фонетической, произносительно-слуховой (см. § 10), но тоже со стороны морфологической и семасіологической. Произносительно-слуховые элементы морфологизуются и семасіологизуются.

Сообразно с этим, связь письма и языка, т.-е. связь писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми может быть различная:

a) связь с этими представленіями, как с представленіями просто произносительно-слуховыми, без всяких дальнѣйших асоціацій;

b) связь с представленіями произносительно-слуховыми морфологизованными;

c) связь с представленіями произносительно-слуховыми семасіологизованными.

В письменности отражается не только объективная фонетика, но тоже объективная морфологія и объективная семасіологія языка.

Вообще же разсмотрѣніе отношеній между русским письмом и русским языком распадается на слѣдующія части:

1. Русскій алфавит или русская азбука, т.-е. описаніе и всесторонняя характеристика элементов писанно-зрительнаго матеріала, связаннаго потенціально с элементами произносительно-слуховыми, но еще без опредѣленных частных асоціацій. Говоря популярно, в этой части разсматриваются вопросы, с помощью каких графических средств обозначаются „звуки" русскаго языка и их сочетанія.

2. Русская графика. Связь писанно-зрительных элементов с элементами только произносительно-слуховыми, в отвлеченіи от асоціацій с представленіями морфологическими и семасіологическими.

3. Русская ороографія или правописаніе в тѣсном смыслѣ этого слова. Связь писанно-зрительных представленій не только с представленіями произносительно-слуховыми, но тоже с представленіями морфологическими и семасіологическими.

1. Русскій алфавит или азбука.

Теперешній состав русскаго алфавита, равно как и алфавитный порядок „букв", как выложенных во внѣшній мір простѣйших психических элементов письма или графем, объясняется исторически перенесеніем на русскую почву церковно-славянской „кирилловской" письменности со всѣми ея свойствами и принадлежностями. Этот § 37.

порядок, не основанный ни на каком естественном принципѣ (ни на принципѣ оптическаго родства самих графем, ни на принципѣ асоціаціи графем с фонемами, родственными со стороны произносительно-слуховой, т.-е. физіологической и акустической), сложился совершенно случайно. Сложился же он еще в греческом алфавитѣ; от греков перешол, с нѣкоторыми дополненіями, к славянам Балканскаго полуострова, давшим начало древне-церковно-славянской письменности.

Древне-церковно-славянское кирилловское письмо, перерождавшееся затѣм постепенно, является тоже главным источником русскаго письма, в котором однакож, благодаря произносительно-слуховым особенностям русскаго языкового мышленія и его обнаруживанія, чуждым древне-церковно-славянскому языковому мышленію, возникли новыя своеобразныя графически-фонетическія асоціаціи.

§ 38. Другим источником русскаго письма в его цѣлом оказалось при Петрѣ I-ом письмо латинское Западной Европы, не в смыслѣ заимствованія отдѣльных начертаній или же способа асоціаціи писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, а только как образец почерка и печатнаго шрифта. Но новое русское гражданское письмо пошло по стопам латинскаго, в калиграфическом отношеніи, только отчасти. Оно заимствовало из него (русское из латинскаго) главным образом очертанія больших (прописных) букв и для больших и для малых, только для нѣкоторых букв, как напр. для *A a*, усвоив себѣ тоже отдѣльныя формы для большой (прописной) и для малой.

Европейскому калиграфическому образцу послѣдовали буквы:

с различеніем формы больших и малых и в печати и на письмѣ: *А а*, *Е е*, *Р р*, *У у*, *І і*;

с различеніем формы букв только на письмѣ и отчасти в печатном курсивѣ, и с ея неразличеніем в печатном уставѣ: *В в*, *Г г*, *Д д*, *К к*, *Н н*, *Т т*;

с неразличеніем формы букв как в печати, так и на письмѣ: *М м*, *О о*, *С с*, *Х х* (неразличеніе формы трех послѣдних букв, *о с х*, свойственно тоже латинскому письму).

Под общій стиль или „дуктус“ (ductus) западно-европейскаго латинскаго письма подошли тоже своеобразныя русскія буквы, чуждыя калиграфически латинскому письму:

с различеніем формы больших (прописных) и малых: *Б б*;

с различеніем только на письмѣ и в печатном курсивѣ, но не в печатном уставѣ: *П п*;

без различенія и в печати и на письмѣ: *Ж ж*, *З з*, *И и*, *Л л*, *Ф ф*, *Ц ц*, *Ч ч*, *Ш ш*, *Щ щ*, *Ъ ъ*, *Ы ы*, *Ь ь*, *Ѣ ѣ*, *Э э*, *Ю ю*, *Я я*, *Ѳ ѳ*.

При этом нельзя не обратить вниманія на частное различеніе форм больших и малых букв: *И и*, *Ф ф*, *Ц ц*, *Ѣ ѣ*.

Сопоставляя теперешнее русское письмо с его первоначальным источником, письмом церковно-славянским кирилловским мы можем указать историческіе источники отдѣльных графем (представленій букв) и их различеній. **§ 39.**

С графемою *щ* асоціируется сочетаніе двух фонем, [šč], *шч*. В церковной письменности графема щ возникла как сократительное соединеніе двух графем, ш и т. Находя в церковно-славянских рукописях эту букву в словах в родѣ *пущу*, *ищу*... (ц.-сл. поущѫ или пꙋщѫ, ищѫ...), русскіе читали ее согласно с собственным чисто-русским произ-

ношеніем, именно [puščú], [iščú], *пущчу, ищчу*..., а не по-болгарски (т.-е. не по церковно-славянски), [puštú], [ištú], *пушту, ишту*... Таким образом установилась асоціаціонная связь между графемою *щ* и представленіем сочетанія фонем [šč], *шч*. Эту связь русскіе перенесли на случаи в родѣ *освѣщать, вращать, пища*..., рядом с исконно-русскими *свѣча, ворочать*... Для соотвѣтствующаго звонкаго сочетанія фонем, [žd], не было в церковной письменности сократительнаго начертанія в родѣ **щ**, а употреблялось всегда только **жд**. Поэтому-то рядом с *освѣщать, вращать, пища, сокращать, насыщать*... имѣются *ограждать, раждать, осуждать, блуждать*... (ср. § 103).

Русская графема *я* является историческим продолженіем церковно-славянской ѧ („малый *юс*"), при чом ея новая роль объясняется прежде всего фонетическими различіями между русским и древне-церковно-славянским языком и, затѣм, сложившимися в русских головах своеобразными асоціаціями произносительно-слуховых представленій с представленіями писанно-зрительными (см. ниже, §§ 40, 105).

§ 40. Основными различіями между произносительно-слуховыми элементами русскаго языкового мышленія и его общественнаго обнаруживанія и между произносительно-слуховыми элементами древне-церковно-славянскаго языкового мышленія и его общественнаго обнаруживанія, в связи с представленіями писанно-зрительными, объясняются своеобразныя асоціаціи русских графем, чуждыя церковно-славянской письменности.

Древне-церковно-славянскому произносительно-слуховому языку было чуждо послѣдовательное различеніе „твердых" согласных (с опущенною среднею частью языка), развившихся

в сочетаніи с несреднеязычными (непалатальными) слоговыми фонемами („гласными“), [a, o, u, y, ŭ, ǫ, r̥] (кирилл. графемы а, о, оу, ы, ъ, ѫ, ръ), и согласных „мягких“ (средне-язычных, т.-е. с поднятою среднею частью языка), развившихся под уподобляющим вліяніем слѣдовавших за ними слоговых фонем („гласных“) [e, ĕ, i, ĭ, ę, r̥^{i}] (кирилл. графемы є, ѣ, н, ь, ѧ, рь). Поэтому с др.-церк.-слав.-ими графемами „гласных“, а, о, оу, ы, ъ, ѫ..., є, ѣ, н, ь, ѧ..., асоціировались произносительно-слуховыя представленія гласных укладов полости рта в сопровожденіи вызываемых этими произносительными укладами резонансов всей полости рта, без какого бы то ни было отношенія к предшествующим „согласным“.

Между тѣм в русском языковом мышленіи и его обнаруживаніи названное различеніе существовало уже во время примѣненія к русскому языку церковно-славянскаго письма. Поэтому то представленія „гласных“ графем вызывали в умах грамотных русских представленія нетолько гласных укладов, но тоже той или другой работы средней части языка при предшествующих этим „гласным“ „согласных“ фонемах: при *а*, *о*, *у*, *ы* представленіе „твердости“, при *е*, *ѣ*, *и*, *я*... представленіе „мягкости“ или положительной средне-язычности. В связи с этим выработалась недостаточная асоціація графем „согласных“ с соотвѣтствующими им фонемами. Так напр., представленія букв или графем *б*, *в*, *г*, *д*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*... вызывают представленія всѣх произносительно-слуховых элементов соотвѣтствующих фонем, но без представленія работы средней части языка; работа средней части языка опредѣляется при них представленіем слѣдующей графемы „гласной“ или же ея замѣнителя,

ъ или *ь*: *ба, бо, бу, бы, бъ...* рядом с *бя, бе, бѣ, бю, би, бь...* (см. §§ 62, 64—73).

§ 41. И в древне-церковно-славянской письменности имѣются написанія, указывающія на существованіе в произносительно-слуховом языкѣ славянскаго племени, давшаго начало древне-церковно-славянскому писанно-зрительному языку, тоже „мягких" (среднеязычных) согласных, но только в случаях историческаго продолженія сочетаній согласных фонем с неслоговым [i] или с [j].

Это, во первых, графемы и сочетанія графем ч, ш, ж, ц, щ (шт), жд ..., оканчивавшія основныя морфемы (основы) и послѣ изображеній которых (т.-е. послѣ букв рукописи) изображались графемы є, ь, и, ѧ... слѣдующих морфем (суфиксов и окончаній), свойственныя этим морфемам тоже при сочетаніи с основами, которыя в произносительно-слуховом языкѣ слѣдует считать оканчивавшимися фонемою [j], в отличіе от о, ъ, ѣ, ы..., свойственных слѣдующим морфемам (суфиксам и окончаніям) при сочетаніи с „твердыми" (несреднеязычными) конечными согласными основ. Так напримѣр.,

притъча притъчеѭ притъчь притъчи притъчѧ,

доуша доушеѭ доушь доуши доушѧ,

кожа кожеѭ кожь кожи кожѧ,

овьца овьцеѭ овьць овьци овьцѧ,

свѣща свѣщеѭ свѣщь свѣщи свѣщѧ,

межда межден междь межди междѧ ...,

но рѫка рѫкоѭ рѫкъ рѫцѣ рѫкы,

снъха..., оса..., нога..., доброта..., вода...

§ 41.

Затѣм, сюда относятся случаи примѣненія графемы ь, как частнаго аналитическаго писанно-зрительнаго представленія, асоціировавшагося с представленіем средне-язычности или „мягкости“ согласной фонемы. В нѣкоторых древне-церковно-славянских памятниках или буква ь замѣняется значком ҃ над буквою, изображающею графему, асоціируемую с фонемою согласной, или же употребляется и то и другое, т.-е. сочетаніе ҃ь. Таковы изображенія:

ль л҃ л҃ь, нь н҃ н҃ь, рь р҃ р҃ь.

пль пл҃ пл҃ь, п҃ п҃ь;

бль бл҃ бл҃ь, б҃ б҃ь,

вль вл҃ вл҃ь, в҃ в҃ь;

мль мл҃ мл҃ь, м҃ м҃ь.

Например,

волꙗ вол҃а вол҃ꙗ, вонꙗ вон҃а вон҃ꙗ,

боурꙗ боур҃а боур҃ꙗ,

люблѭ любл҃ѫ любл҃ѭ люб҃ѫ люб҃ѭ,

ловлꙗ ловл҃а ловл҃ꙗ лов҃а лов҃ꙗ,

ꙁемлꙗ ꙁемл҃а ꙁемл҃ꙗ ꙁем҃а ꙁем҃ꙗ …

Точно также сочетанія фонем [ja], [ju], [jǫ], [je], [ję], т.-е. сочетанія гласных фонем [a], [u], [ǫ], [e], [ę] с предшествующим им приближеніем средней части языка к небу, составляющим само по себѣ особую неслоговую фонему без примѣси других произносительных работ в полости рта, обозначались в древне-церковно-славянской пись-

менности с помощью изображенія двух сочетающихся графем: Ꙗ, Ю, Ѭ, Ѥ, Ѩ.

§ 42. В русском же языковом мышленіи, как указано выше (§ 40), графемы гласных сопровождаются всѣ навязчивою идеей предшествующей им среднеязычной работы, или сопутствующей другим работам полости рта, или же обособившейся в отдѣльный произносительный момент. Этот предшествующій гласной фонемѣ неслоговой произносительный момент или становится особою фонемой, [j], в случаѣ приближенія средней части языка к небу, или же превращается в фонему 0 („нуль“), в случаѣ неприближенія средней части языка к небу.

Таким образом с русскими графемами *е* и *ѣ* асоціируется всегда представленіе нетолько извѣстнаго пасивнаго уклада полости рта, но тоже предшествующаго ему приближенія средней части языка к небу (об „исключеніи“ при *ш*, *ж*, *щ*, *ц* см. § 65). Для гласной фонемы [e] без представленія предшествующаго ей среднеязычнаго сближенія не оказалось особой графемы, в родѣ *а*, *о*, *у*, *ы*. Потому то и была выдумана графема *э* („*е* оборотное“), асоціируемая с представленіем фонемы [e] и предшествующаго ей удаленія средней части языка от неба (§ 106).

§ 43. Так как, согласно с исторіей произносительно-слуховой стороны славянскаго языкового мышленія и его обнаруживанія, ни в праславянском состояніи, ни еще в состояніи, свойственном тому южно-славянскому произносительно-слуховому языку, в средѣ котораго народился писанно-зрительный язык древне-церковно-славянскій, не было вовсе сочетаній гласной фонемы [o] с предшествующими среднеязыч-

ными согласными фонемами, то в памятниках древне-церковно-славянской письменности оказались только сочетанія в родѣ, с одной стороны, бє, вє, дє, лє..., жє, чє, шє, щє..., ѥ, с другой же, бѧ, вѧ, дѧ, лѧ..., жѧ, чѧ, шѧ, щѧ..., ѩ; лꙗ, нꙗ, рꙗ..., лю, ню, рю..., ю, но не было вовсе сочетаній, намекавших, путем фонетически-графической асоціаціи, на сочетаніе гласной фонемы [o] с предшествующими „мягкими" (среднеязычными) согласными или же с фонемою [j]. Это отсутствіе подобных сочетаній и дало возможность сократить сочетаніе юу в сочетаніе ю, вызывавшее своим видом асоціацію скорѣе с представленіем сочетанія фонем [jo] или же фонемы [o] в сочетаніи с предшествующими „мягкими" согласными, нежели с представленіем сочетанія [ju] или же фонемы [u] в сочетаніи с предшествующими „мягкими" согласными (§ 105). Между тѣм в русском языкѣ имѣются сочетанія как [jo], так и [o] с предшествующими „мягкими" согласными, развившіяся исторически или из [je], или же из [Cⁱe] *) в сочетаніи со слѣдующими согласными „твердыми" (без приближенія средней части языка к небу). Слѣдовательно, читая по своему слова церковно-славянских памятников, русскіе пріучились асоціировать графему *е* не только с фонемою [e], но тоже с фонемою [o], сопровождаемою представленіем предшедствующаго ей среднеязычнаго сближенія, так что при асоціаціи графемы *е* с произносительно-слуховыми представленіями болѣе важною и постоянною является асоціація с представленіем предшествующей фонемѣ гласной среднеязычности, нежели с представленіем опредѣленнаго гласнаго уклада

*) Cⁱ символизует или „мягкія" (среднеязычныя) согласныя, или же развившіяся исторически из „мягких", в родѣ [ž, š, č] (*ж, ш, ч*).

полости рта: выбор фонемы [е] или же фонемы [о], конечно на высшем уровнѣ произношенія, т.-е. при ударяемости даннаго слога, опредѣляется асоціаціей фонетическаго (произносительно-слухового) слова с представленіями морфологическаго расчлененія и с представленіями семасіологическими (с представленіями значенія).

Таким образом, рядом с простыми противоположностями по представленію средне-язычных работ,

[*а* | *я*], [*у* | *ю*], [*ы* | *и*],

имѣем сложную противоположность:

$$\left[\begin{array}{c|c} о & е \\ э & ѣ \end{array}\right].$$

§ 44. В связи с различіем произносительно-слуховых особенностей, с одной стороны, русскаго языкового мышленія и его обнаруживанія, с другой же стороны древне-церковно-славянскаго языкового мышленія и его обнаруживанія, измѣнилась роль графем *и* (или *і*) и *ы*. В древне-церковно-славянском с графемами **И** и **ЪІ** асоціировались представленія двух вполнѣ самостоятельных, друг с другом несвязанных фонем, одной, [і], восходящей исторически или к дославянской долгой среднеязычной гласной фонемѣ, [ī] (в извѣстных случаях ē), или же к дифтонгу [ei], другой же, [у], восходящей исторически к долгой гласной фонемѣ крайняго губного съуженія, [ū]. В древне-русском языковом мышленіи, задолго до появленія на Руси церковно-славянской письменности, эти двѣ гласныя фонемы тоже различались как двѣ самостоятельныя, друг от друга независимыя, несмѣшиваемыя. Но затѣм, в связи с историческим процесом осреднеязычненія („смягченія") губных и передне-язычных согласных под вліяніем сочетавшихся с ними глас-

ных и вообще слоговых средне-язычных, [i], [e], [ȩ], [r̥ⁱ]..., эти двѣ фонемы смѣшались и, как в языковом мышленіи, так и при обнаруживаніи этого мышленія, т.-е. с выходной стороны междучеловѣческаго языкового общенія, слились в одну фонему, которую я позволяю себѣ символизовать с помощью знака [iₘ] (i mutabile). В тѣх мѣстах русскаго произносительно-слухового языка, которым соотвѣтствуют в писанно-зрительном языкѣ графемы *ы* и *и*, возникают представленія единой в своем началѣ, но у выхода раздваиваемой фонемы. Раздвоеніе же это зависит от сочетанія с предшествующею согласною фонемой или же хотябы даже с отсутствіем фонемы: Если перед этою раздваиваемою гласною фонемой [iₘ] представляется сближеніе средней части языка и неба („мягкость“), получится у входного конца, т.-е. как акустическій результат, представленіе гласной фонемы [i], болѣе передняго образованія; если же перед раздваиваемою гласною фонемой [iₘ] мыслится отсутствіе подобнаго сближенія средней части языка и неба, тогда у входного конца языкового общенія, как акустическій результат, получится представленіе фонемы [y] (*ы*), болѣе задняго образованія. И так, с психической точки зрѣнія, обусловливающими являются здѣсь представленія согласных, до нуля включительно, обусловливаемыми же — представленія гласных. Но так как со стороны письма имѣется обратное отношеніе, т.-е. с графемою *и* асоціируется представленіе предшествующаго гласной фонемѣ средне-язычнаго сближенія, а с графемою *ы* представленіе отсутствія этого сближенія, то людям, смѣшивающим письменность с языком, буквы со „звуками“, графемы с фонемами, все еще кажется, что и в русском „мягкость“ согласных зависит от сочетанія со „звуком“ (или „буквою“) *и* (или *i*),

а „твердость“ от сочетанія со „звуком“ (или с „буквою“) *ы* (§ 107).

В связи с этим психическим отожествленіем русских гласных фонем, асоціируемых с представленіями букв (с графемами) *и* и *ы*, находятся:

появленіе сочетаній [k̗i], [g̗i], [x́i], в обыкновенном написаніи *ки*, *ги*, *хи*, вмѣсто прежних *кы*, *гы*, *хы*;

полное произносительно-слуховое неразличеніе сочетаній фонем, асоціируемых на письмѣ с сочетаніями графем: то *ци*, *ши*, *жи*, *чи*, *щи*, то *цы*, *шы*, *жы*, *чы*, *щы* (§§ 48, 102—103).

§ 45. „Недоразумѣніем“, т.-е. новым способом асоціировать произносительно-слуховыя представленія с представленіями писанно-зрительными, свойственным русскому языковому мышленію, в отличіе от языкового мышленія др.-церк.-славянскаго, слѣдует объяснять русское различеніе графем *и* и *і*. В др.-церк.-славянской Кирилловской письменности с графемою **и**, восходящей исторически, как к своему первообразу, к греческой Η η („ита“), асоціировалось представленіе слоговой, гласной фонемы крайняго среднеязычнаго сближенія; с графемою же **і**, восходящею к греческой Ι ι („іота“), — представленіе неслогового среднеязычнаго сближенія перед фонемою слоговой, гласной (см. § 42). Обѣ эти графемы перешли и в русское языковое мышленіе, видоизмѣнившись под вліяніем западно-европейским: прежде всего графема **і** вообще отожествилась с латинским і, получив, как „малая буква“, точку над собою. Но и эта графема была переведена в разряд графем, асоціируемых с представленіем слогообразованія. Касающееся же ея общее ороографическое правило является переиначенным правилом др.-церк.-славянскаго

письма: Там графема ҍ, асоціируемая с представленіем неслогового произношенія, сочеталась с графемами слоговых, гласных. Потомок же церк.-славянской графемы ҍ, русская графема і, асоціируясь с представленіем слогообразованія, сочетается с графемами, которым свойственна асоціація тоже с представленіем слогообразованія: *іа, іо, іу..., ія, іе, іѣ, ію, іи...* (§§ 68, 107).

Полный переворот в языковом мышленіи случился с графемами ъ и ь. В древне-церковно-славянском Кирилловском письмѣ с этими графемами асоціировалось представленіе или своеобразных слоговых, гласных фонем, или же, по крайней мѣрѣ, представленіе слогообразованія (напр., ръ, рь, лъ, ль). В русском же языковом мышленіи, как раз наоборот, с графемами *ъ, ь* асоціируется представленіе отсутствія слога или неслогообразованія, да кромѣ того представленіе той или другой работы средней части языка, представленіе, входящее в состав сложнаго представленія согласной фонемы, которая вообще асоціируется с представленіем графемы, стоящей перед *ъ* или *ь*. Отсюда названія „знак твердый", „знак мягкій" (см. §§ 68, 70, 108). § 46.

Для др.-церк.-славянскаго языкового мышленія графемы ꙑ, ю сохраняли за собою представленіе сложности из двух графем. О сложности графемы ю сказано выше: ю могло явиться вм. юѵ, благодаря отсутствію сочетанія фонем [jo] или т. п. (см. § 43). Но и графема ꙑ составилась из соединенія двух, ъи; впослѣдствіи однакож, асоціируясь с представленіем однородной, недѣлимой гласной фонемы, она сократилась в ꙑ или просто ꙑ. В графемѣ ю вторая ея часть асоціируется графически с представленіем не оѵ, а о; вторая же часть графемы ꙑ асоціируется графически с представле- § 47.

ніем не Н („*и* восьмиричное“), а і („*и* десятиричное).

В языковом мышленіи русскаго грамотнаго человѣка графемы *ю*, *ы*, хотя очевидно состоящія из двух частей, представляются недѣлимыми, единичными. К тому же, очевидно по техническим соображеніям, первую часть графемы *ы* составляет теперь не ъ, а только ь (§§ 105, 107).

§ 48. Заимствованіем русскаго писанно-зрительнаго языка из церковно-славянской письменности объясняются:

орѳографически обязательное писаніе *ши*, *жи*, *чи*, *щи*…, а не *шы*, *жы*, *чы*, *щы*;

писаніе *же*, *ше*, *че*, *ще*, *це*…, а не *жэ*, *шэ*, *чэ*, *щэ*, *цэ*…; но *жа*, *ша*, *ча*, *ща*, *жу*, *шу*, *чу*, *щу*…, а не *жя*, *шя*, *чя*, *щя*, *жю*, *шю*, *чю*, *щю*…;

абсолютное отсутствіе в срединѣ слов написаній *шъ*, *жъ*, *чъ*, *щъ*…, тогда как в концѣ слов подобныя написанія являются слѣдствіем морфологической асимиляціи („аналогіи“), сказавшейся в писанно-зрительном языкѣ (§§ 44, 102, 103).

§ 49. Двойная асоціація русской графемы *Г г*, раз с произносительно-слуховым представленіем сжатой, смычной и вмѣстѣ с тѣм взрывной согласной, [g], другой раз, в рѣдких случаях (*Бога*, *господь*, *благо*…), с представленіем спирантной, придувной, проточной, щелинной согласной, [γ], объясняется заимствованіем из др.-церк.-славянской письменности, при чом вторая асоціація находится в связи с предполагаемым церковно-славянским происхожденіем данных слов. При этом было бы ошибочно думать, что подобное произношеніе было свойственно народу, в средѣ котораго возник др.-церк.-славянскій язык. Напротив того, славянам Балканскаго полуострова, и Болгарам, и Сербам, было свойственно,

как и теперь, сжатое произношеніе соотвѣтствующей фонемы, [g]. Но, подвигаясь с Балканскаго полуострова к сѣверо-востоку, в предѣлы сѣверной Руси, Руси со сжатым [g], церк.-славянская письменность должна была проходить через южно-русскую и западно-русскую територію, которым чуждо сжатое [g] и во всѣх словах имѣется только спирантное [γ]. Нетолько *Бога, господь, благо*..., но тоже *гора, говорить, нога, погода* ... произносятся там с этим спирантным [γ]. Для сѣверных русских подобное произношеніе явилось признаком церковно-славянщины и рѣчи лиц духовнаго званія; поэтому оно и закрѣпилось за словами по преимуществу церковными.

§ 50. Только насажденіем на Руси церк.-славянской письменности, отличавшей *ѣ* и *е* вполнѣ основательно, согласно с особенностями др.-церк.-славянскаго произносительно-слухового языка, можно объяснять появленіе в русской письменности этих двух графем (представленій букв) и, затѣм, сопряжонную с их употребленіем путаницу орѳографических правил. Если бы русскіе тѣх времен, когда создавалась русская письменность, примѣняли какой либо алфавит к дѣйствительным особенностям своего произносительно-слухового языка, им никогда не пришло бы в голову различать *ѣ* и *е* по способу, навязанному подражаніем церк.-славянской письменности.

Если *ѣ* и *е* различаются не согласно с различіями, свойственными самому русскому произносительно-слуховому языку, а по указаніям др.-церк.-славянских написаній (впрочем далеко не выдержанным), то можно бы тоже требовать различенія двух *у*, одного соотвѣтствующаго др.-церк.-славян-

скому ѹ и другого соотвѣтствующаго др.-церк.-славянскому ѫ. Это различеніе уступило мѣсто полному неразличенію и слитію в одном *у*, хотя оно было бы столь же раціонально или же нераціонально, как различеніе *ѣ* и *е* (§ 82).

Свойственныя теперешнему русскому письму альтернаціи (чередованія) и вообще разновидности одних и тѣх же графем,

Д д Д *D*..., *т* Т 1 7 т Т Т *T*...,
Ѣ ѣ ѣ Ѣ Ѣ ѣ..., *Е е*...

и т. п. (см. §§ 21—25),

сводятся исторически к одному и тому же историческому источнику, т.-е. к одной и той же др.-црк.-славянской графемѣ. Сообразно с единством историческаго источника, всѣм этим разновидностям одной и той же графемы свойственно одно и то же названіе: „*де*“, „*те*“, „*ять*“, „*е*“...

Другое дѣло разновидности, объединяемыя с одной стороны названіем „буква *е*“, с другой же стороны названіем „буква *ять*“. Хотя, относясь объективно к теперешнему состоянію асоціацій произносительно-слуховых представленій с представленіями писанно-зрительными, и не справляясь с исторіей, можно бы разновидности графемы *е* отожествить в одной группѣ с разновидностями графемы *ѣ* („ять“), но этому мѣшают два названія и два разных исторических источника. Стало-быть, *е* и *ѣ* представляют из себя не чисто графическія разновидности одной и той же графемы, а только двѣ графемы, двѣ „буквы“ (§ 106).

Все выше (§§ 39—50) изложенное касалось исторіи отдѣльных элементов русскаго алфавита в связи с алфавитом древне-церковно-славянским. Так как при этом необходимо было постоянно указывать на асоціаціи с представленіями произносительно-слуховыми, то, собственно говоря, этот отдѣл моего изложенія подходит скорѣе под понятіе графики и даже правописанія (орѳографіи), нежели под понятіе алфавита или азбуки, разсматриваемой независимо от всяких асоціацій с произносительно-слуховыми представленіями. Но вѣдь алфавит имѣет смысл только в связи с произносительно-слуховым языком (§ 32) и не может быть разсматриваем в полном от него отвлеченіи. **§ 51.**

A. Если же разсматривать элементы азбуки или алфавита, т.-е. графемы (представленія букв), порознь и в их совокупности, с чисто оптической точки зрѣнія, то это разсмотрѣніе сводится, между прочим, к слѣдующим положеніям: **§ 52.**

1) Графемы или представленія букв могут быть сами по себѣ: круглыя или угловатыя; прямолинейныя или криволинейныя; состоящія из одних безпрерывных круглых или прямых линій, или же из линій ломанных; состоящія из одного законченнаго начертанія, в родѣ *о*, *е*, *с*, *д*, или же из двух (и болѣе) начертаній: *а*, *у*, *п*, *н* *м*, *р*, *ю*, *ы*..., *й*.

Тут можно отмѣтить чисто графическое, оптическое сходство графем или представленій букв: *ш щ*, *ѳ о е*, *и ц п н*..., *г і* (в курсивѣ).... и т. п., а это может быть сопряжено с извѣстными послѣдствіями: при наборѣ, при коректурѣ, при чтеніи.

2) Затѣм, выложенныя во внѣшній мір графемы, т.-е. буквы, как элементы, с одной стороны, алфавита, а с другой стороны текущаго писанно-зритель-

наго языка, могут быть разсматриваемы с точки зрѣнія своего оптическаго качества и достоинства: по скольку онѣ изнуряют глаза читателя; т.-е. по скольку онѣ являются вредными для глаз. В этом отношеніи русскій алфавит стоит значительно ниже латинскаго, в особенности в его англійском видоизмѣненіи *).

§ 53. Б. Уже выше (§§ 39—50) мы занимались разсмотрѣніем графем или представленій букв в связи с произносительно-слуховыми представленіями, ибо без этого нельзя понимать исторіи алфавита. Прямое отношеніе к языку, т.-е. к асоціаціям писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, имѣет вопрос названія отдѣльных букв. Это первоначальное крещеніе элементов письма при обыкновенном способѣ обученія грамотѣ вліяет на пониманіе отношенія письма к языку, затемняет объективную истину и мѣшает сознательному освѣщенію сложившихся безсознательно, благодаря процесу продолжительнаго чтенія, асоціацій произносительно-слуховых представленій с представленіями писанно-зрительными. Довольно указать на ту только с большим трудом устраняемую путаницу понятій, которая развивается прежде всего под вліяніем обычных названій русских „букв“ *а я*, *у ю*, *о е ѣ*, *ы и*..., *б в*..., *л*..., *с*..., *щ*... и их безкритичнаго примѣненія.

§ 54. Полный запас элементов русской азбуки или русскаго алфавита исчисляется обыкновенно в алфа-

---

*) Ср. И. Бодуэн-де-Куртенэ: Нѣсколько слов по поводу „общеславянской азбуки“. (Отд. отт. из „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. XLV. 1871, май, 149—195“ = 1—47), стр. 14—18.—Принятый здѣсь способ исчисленія относительных достоинств этих двух алфавитов вѣрен только в принципѣ, частности же его примѣненія далеко не удовлетворительны.

витном порядкѣ, свойственном словарям и всякаго рода перечням:

а б в г д е ж з и й і к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь ѣ э ю я ѳ (ѵ).

Как замѣчено (§ 37), этот порядок сложился благодаря чистой исторической случайности и лишон всякаго раціональнаго обоснованія. Подобное же упорядоченіе свойственно громадному большинству алфавитов. Одному только древне-индійскому (санскритскому) алфавиту, так назыв. *Деванагари* (Devanāgarī), свойствен порядок, основанный на физіологическом и акустическом родствѣ и на естественной послѣдовательности асоціируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изученіе санскритскаго алфавита может служить прекрасным введеніем в общую фонетику.

Если запас русских графем раздѣлить на групы с точки зрѣнія их асоціацій с произносительно-слуховыми представленіями русскаго языкового мышленія, то получится примѣрно слѣдующая картина:

1) *ц, ж ш, ч;*
2) *щ;*
3) *б в г д з к л м н п р с т ф х;*
4) *й;*
5) *а о э у ы;*
6) *е ѣ я ю и і;*
7) *ъ ь.*

Графемы 1-го ряда асоціируются с представленіем одной согласной фонемы со всѣми ея представляемыми частичными произносительно- § 55.

-слуховыми элементами, не нуждаясь в сочетаніи со слѣдующею графемой (§§ 102—103).

Графема *щ* 2-го ряда асоціируется таким же точно образом с представленіем групы двух фонем.

Графемы 3-го ряда асоціируются с представленіями не полных согласных фонем, т.-е. ими опредѣляются всѣ частичные произносительно-слуховые элементы, асоціируемые с объединенным одновременностью исполненія представленіем одной фонемы, за исключеніем произносительно-слухового элемента, опредѣляемаго участіем в работѣ средней части языка: если средняя часть языка приближается к твердому небу, получается ряд согласных среднеязычных или „мягких"; в противном случаѣ, т.-е. в случаѣ удаленія средней части языка от неба, получаются согласныя фонемы несреднеязычныя или „твердыя". Это раздвоеніе на два ряда по работѣ средней части языка опредѣляется, со стороны писанно-зрительнаго языка, сочетаніем или с графемами 5-го ряда и с *ъ* из 7-го ряда (согласныя „твердыя"), или же с графемами 6-го ряда и с ъ из 7-го ряда (согласныя „мягкія") (§§ 101, 102, 104).

При графемѣ *й* имѣем аналитическій символ неслогообразованія или консонантности, а именно ˘ над буквою *и*. Этот аналитическій символ совмѣщает в себѣ вмѣстѣ с тѣм указаніе на то, что данная графема (в исполненіи буква) не может слѣдовать за графемою, асоціируемой с представленіем неслогообразованія, а только за графемою, асоціируемой с представленіем слогообразованія.

§ 56. Графемы 5-го ряда асоціируются с представленіем слогообразованія, с представленіем извѣстнаго гласнаго (вокальнаго) уклада всей полости рта и, наконец, с представленіем предше-

ствующаго гласной фонемѣ не-приближенія средней части языка к небу, по скольку эта послѣдняя асоціація не упраздняется сочетаніем данной графемы 5-го ряда с предшествующею ей графемою 1-го или 2-го ряда (§§ 105, 106, 107).

Точно так же графемы 6-го ряда асоцируются с представленіем слогообразованія, с представленіем извѣстнаго гласнаго (вокальнаго) уклада всей полости рта и, наконец, с представленіем предшествующаго гласной фонемѣ приближенія средней части языка к небу, по елику эта послѣдняя асоціація не упраздняется сочетаніем данной графемы 6-го ряда с предшествующею ей графемой 1-го или 2-го ряда. Если перед гласною фонемой, асоціируемой с представленіем графемы 6-го ряда, нѣт фонемы согласной других главных произносительных локализацій, т.-е. если нѣт перед нею ни фонемы губной, ни передне-язычной, ни задне-язычной, тогда асоціируемое с графемою 6-го ряда представленіе предшествующей ей среднеязычности обособляется в особую самодовлѣющую среднеязычную неслоговую фонему, [j] (не-слоговое [i]).

Графемы 7-го ряда, *ъ*, *ь*, являются также аналитическими, как и „кратка" (˘) над *и* в *й*. Онѣ не асоціируются вовсе с представленіем какой либо особой фонемы, а только с представленіем отдѣльных произносительно-слуховых элементов, входящих в состав фонемы, представленіе которой асоціируется по преимуществу с предшествующею графемой: Графема *ъ* асоціируется с представленіем удаленія средней части языка от неба во время произношенія предшествующей согласной фонемы и с представленіем обусловливаемаго этою работой акустическаго оттѣнка („твердости"); графема же *ь* асоціируется с **§ 57.**

представленіем приближенія средней части языка к твердому небу в составѣ элементов предшествующей согласной фонемы и с представленіем обусловливаемаго этою работой акустическаго оттѣнка („мягкости“). Кромѣ того обѣ эти графемы, ъ и ь, асоціируются с представленіем отдѣленія того, что им предшествует, от того, что за ними слѣдует, т.-е. онѣ указывают, что слѣдующая за ними графема не имѣет, со стороны произносительно-слуховой, никакого отношенія к предшествующей графемѣ и, наоборот, предшествующая графемам ъ или ь графема не имѣет никакого отношенія к слѣдующей за ними (§ 108).

Благодаря таким написаніям, как *семьи* в отличіе от *семи*, *судья* в отличіе от *судя*, *матерьялъ* или даже *матеръалъ*, *батальонъ* (собственно вм. *батальёнъ*) и т. п., в которых послѣ ь идет графема, с которою асоціируется сочетаніе фонемы [j] со слѣдующею слоговою или гласною, фонема же [j] асоціирована в нѣмецкой письменности и в письменностях западно-славянских с графемою *j* латинскаго происхожденія, благодаря таким написаніям сложилась ложная или, по крайней мѣрѣ, неточная асоціація графемы ь с „йотою“ (j) и невѣрное ученіе, что русское ь замѣняет собою латинское *j*.

Если данная согласная и вообще неслоговая фонема принадлежит к числу не измѣняющихся со стороны работы средней части языка, т.-е. если это одна из фонем, асоціируемых с графемами *ц*, *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, *й*, в таком случаѣ не может быть рѣчи об асоціаціи с представляемыми послѣ них графемами ъ или ь представленія несреднеязычности („твердости“) или же среднеязычности („мягкости“). Тут надо различать два случая:

1) послѣ графемы *й* немыслимы графемы ъ или ь; стало-быть, только *край*, *мой*, *валяй*, *дуй*..., а не *крайъ*,

мойъ, валяйъ, дуйъ.... и не *крайъ, мойъ, валяйъ, дуйъ...*;

2) послѣ графем *ц, ж, ш, ч, щ* графемам *ъ* и *ь* свойственны асоціаціи не произносительно-слухового характера, а только асоціаціи морфологическо-семасіологическія (различеніе родов существительных, типы форм склоненія, спряженія или т. п.) (§§ 73, 103, 108).

Исторіей письменности, с одной стороны, и исторіей произносительно-слухового языка, с другой стороны, объясняются нѣкоторыя несовпаденія в асоціаціях произносительно-слуховых представленій с представленіями писанно-зрительными русского языкового мышленія. Так напр., одна графема *г Г* имѣет двойную произносительно-слуховую асоціацію (§ 49). Обратное отношеніе имѣем при графемах *ф* и *ѳ*, *ѣ* и *е*, *и* и *і*, асоціируемых с одними и тѣми же произносительно-слуховыми представленіями, и распредѣляемых в писанно-зрительном языкѣ согласно с происхожденіем или данных графических сочетаній (*и* и *і*), или же слов, в которых встрѣчаются эти графемы: *ѣ* и *е*, *ф* и *ѳ* (§§ 50, 79, 81—84). § 58.

При несовпаденіях писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми нѣкоторыя из них относятся к асоціаціям по смежности (к асоціаціям рядовым), другія же — к асоціаціям по сходству (к асоціаціям груповым). Так напр.,

соотвѣтствіе одной графемы *щ* или же (в нѣкоторых случаях) *е, я....* двум фонемам опредѣляется асоціацией рядовой, соотвѣтствіе же одной графемы *г* двум фонемам — асоціацией груповой. Точно так же соотвѣтствіе одной фонемы двум графемам *бъ, бь...* принадлежит к разряду асоціаций рядовых; соотвѣтствіе же двух графем *ф* и *ѳ* или же

ѣ и *е* одной фонемѣ или же одинаковой групѣ фонем — к разряду асоціацій груповых.

Эти случаи можно бы назвать недостатками и излишками русскаго писанно-зрительнаго языка в его отношеніи к русскому языку произносительно-слуховому.

§ 59. Вообще же можно замѣтить, что в русском письмѣ недостает графем для цѣлых категорій фонем. В нем есть опредѣленныя графемы:

1) для согласных только перед гласными, при чом представленіе работы средней части языка асоціируется с представленіем слѣдующей графемы (см. §§ 40, 65);

2) для гласных только ударяемых, т.-е. для гласных высшаго произносительно-слухового уровня. При этом даже при удареніи вполнѣ опредѣленными являются только графемы: *а*, *о*, *у*, *э*, *я*, *ю*. Относительно графем *ы* и *и* или *і* надо принять во вниманіе сказанное в §§ 44, 74, а относительно графем *е* и *ѣ* сказанное в §§ 43, 71.

В других положеніях, т.-е. для согласных в концѣ слов и перед другими согласными, а для гласных в положеніи неударяемости, т.-е. на среднем и низшем произносительно-слуховом уровнѣ, нѣт особых графем, а примѣненіе в этих мѣстах слов тѣх или других графем опредѣляется, так-сказать, координатами нашего мышленія, на основаніи асоціации морфем, т.-е. дальше недѣлимых морфологических элементов, попадающихся в разных произносительно-слуховых положеніях. Благодаря этому, с помощью ограниченнаго количества писанно-зрительных элементов можно удовлетворить потребности обозначить, путем асоціации, все богатство элементов произносительно-слуховых русскаго языкового мышленія. Напр., для

глухих фонем [r], [l'], [m]... нѣт вовсе особых графем, а однакож только онѣ могут обнаруживаться в словах *ртуть*, *смотр*, *мысль*, *мкнет*..., в которых примѣняются графемы, асоцiируемыя с соотвѣтствующими самостоятельно звонкими согласными фонемами.

Указанные недостатки русскаго письма, в его отношенiи к русскому языку, объясняются тѣм, что это письмо является, так сказать, чужим платьем, платьем с чужого плеча, потребовавшим передѣлок, починок и заплаток. Первообраз же русскаго письма, письмо древне-церковно-славянское слагалось оригинально и примѣнялось к связанному с ним языку произносительно-слуховому вполнѣ самостоятельно и послѣдовательно. Др.-церк.-славянское правописанiе было, как говорят, строго „фонетическое“, а это его свойство обусловливалось в значительной мѣрѣ прозрачностью фонетическаго построенiя др.-церк.-славянскаго языкового мышленiя и его обнаруживанiя. § 60

Выше (§§ 39—50, 54—59) сказанное о русском алфавитѣ составляет переход к изложенiю русской графики и русскаго правописанiя (§§ 62—83).

Психическую связь отдѣльных графем русскаго письма или русскаго писанно-зрительнаго языка с соотвѣтствующими им элементами языка произносительно-слухового я стараюсь освѣщать в 3-ем изданiи „Толковаго словаря живого великорусскаго языка Владимiра Даля. Изд. Товарищества М. О. Вольф. С.-Петербург. 1903, 1905, 1907, 1909“ (4 тома), в начальных статьях каждой буквы. Обращаю вниманiе на объясненiя букв **В** (I. 389), **Е** (I. 1277), **Ж** (I. 1305), **И** (II. 1), **I** (II. 161), **К** (II. 163), **Л** (II. 593), **М** (II. 745—747), **Н** (II. 981), **О** (II. 1463—1465), **П** (III. 1), **Р** (III. 1457), **С** (IV. 1), § 61.

Т (IV. 705), **У** (IV. 907), **Ф** (IV. 1127), **Х** (IV. 1159), **Ц** (IV. 1247), **Ч** (IV. 1277), **Ш** (IV. 1383), **Щ** (IV. 1489—1491), **Ъ** (IV. 1515—1516), **Ы** (IV. 1517—1518), **Ѣ** (IV. 1517—1518), **Э** (IV. 1525), **Ю** (IV. 1541—1543), **Я** (IV. 1553—1555), **Ѳ** (IV. 1589). Особенно точно и подробно объяснены здѣсь буквы: **К, М, О, У, Ѣ, Ю, Ч, Щ, Ъ, Ы, Я** (§§ 101—108).

2. Русская графика.

§ 62. Выше (§ 59) было сказано, что для значительнаго большинства фонем русскаго языкового мышленія нѣт подходящих цѣльных, законченных, самодовлѣющих графем, и что многія из них опредѣляются, так сказать, координатами нашего мышленія на основаніи асоціаціи морфем. Это будет, конечно, один из видов так назыв. ассоціаціи по сходству или ассоціаціи груповой, а разсмотрѣніе частностей подобнаго замѣнительнаго обозначенія составляет предмет 3-й части нашего изложенія, т.-е. теоріи русскаго правописанія.

Но вѣдь можно сказать, что и в положеніи самом благопріятном для фонем согласных у нас нѣт законченных, самодовлѣющих графем, асоціируемых, с одной стороны, с представленіем согласных несреднеязычных или „твердых", с другой же стороны, с представленіем согласных среднеязычных или „мягких". Это и составляет основной недостаток русскаго алфавита, в его отношеніи к произносительно-слуховому языку. Но этот недостаток устраняется благодаря излишку в области графем, асоціируемых с представленіями фонем слоговых, гласных (§§ 40, 55, 56). Таким образом, путем комбинированной асоціаціи по смежности, асоціаціи рядовой, удовлетворяется потребность отражать в письменности столь важное

в русском произносительно-слуховом языкѣ различіе согласных „твердых“ и „мягких“.

Это взаимоопредѣленіе графем и фонем составляет главный вопрос теоріи русской графики.

Центром этого вопроса является сочетаніе согласных с гласными, т.-е. сложныя асоціаціи фонем согласных и слѣдующих за ними фонем гласных с соотвѣтствующими тѣм и другим графемами.

Эти отношенія можно выразить математическою формулой, которую однакож я не стану здѣсь развивать, надѣясь сдѣлать это в другом сочиненіи. Там будет выведена основная формула, будут указаны ея предѣлы или лимиты и исчислены частные случаи.

Здѣсь же ограничусь только указаніем нѣкоторых графических сочетаній, подходящих под эту формулу:

1) *ба* | *бя*, *са* | *ся*, *ла* | *ля*...,
бу | *бю*, *су* | *сю*, *лу* | *лю*...,
бо бэ | *бе бѣ*, *со сэ* | *се сѣ*, *ло лэ* | *ле лѣ*...,
бы | *би бі*, *сы* | *си сі*, *лы* | *ли лі*...

2) *а* | *я*, *у* | *ю*, *о э* | *е ѣ*, *ы* | *и і*...

3) *бъ* | *бь*, *съ* | *сь*, *лъ* | *ль*...

4) *жи ши чи щи*..., *ци* | *цы*...

При опредѣленіи психических отношеній между сочетаніями графически-оптических (писанно-зрительных) и фонетически-акустических (фонаціонно-аудиціонных, произносительно-слуховых) элементов русскаго языкового мышленія и его обнаруживанія надо помнить, что, как во всѣх письменностях, основанных главным образом на асоціаціях § 63.

писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, так и в русской „обозначаются“ на письмѣ далеко не всѣ произносительно-слуховыя особенности. Необозначенныя особенности восполняются знаніем языка, пониманіем смысла и сознательным отношеніем к морфологической дѣлимости текущей рѣчи, т.-е. не только слов, но тоже предложеній и их сочетаній.

В семитических письменностях (еврейской, арабской) первоначально не обозначались вовсе гласныя, т.-е. страдательные уклады всей полости рта, резонирующей (отражающей) звуки голосовых связок гортани; примѣненіе той или другой гласной предоставлялось там знанію языка.

В русской письменности не обозначаются путем простых графически-фонетических асоціацій: дѣленіе слов на слоги, ударяемость (т.-е. относительная интенсивность работы голосовых связок гортани и обусловливаемыя ею видоизмѣненія гласных) и т. д. Что же касается дѣленія слов на слоги, то не обозначаются только мѣста раздѣленія слогов, но число слогов опредѣляется числом графем, асоціируемых с представленіем слогообразованія.

При сжатых согласных (clusiles) *п т к б д г* графемою вызывается только представленіе физіологической работы сжатія, а не взрыва (эксплозіи), гарантирующаго акустическую воспринимаемость при обнаруживаніи этих фонем. Обозначеніе взрыва оказывается при этом, с точки зрѣнія графических асоціацій, дѣлом второстепенным.

Выше (§ 59) было указано, что только в извѣстных привилегированных положеніях имѣются особыя опредѣленныя графемы как для согласных, так и для гласных фонем, да и это с нѣкоторыми ограниченіями. В других положеніях имѣются соб-

ственно субституты особых графем, требуемых своеобразностью произносительно-слуховых представленій. Сюда относятся согласныя в концѣ слов, согласныя перед другими согласными, согласныя отдѣленныя от гласных другими согласными, гласныя неударяемых слогов и т. п. Каковы будут графическіе субституты, опредѣляется путем асоціаціи по сходству (асоціаціи груповой) в области морфологических элементов языкового мышленія. Подробности в отдѣлѣ правописанія (§§ 75—81).

Если среднеязычная („мягкая“) согласная фонема предшествует несреднеязычной („твердой“), тогда ея несреднеязычность требует в писанно-зрительном языкѣ, т.-е. в написаніи, примѣненія графемы ь, асоціируемой именно с представленіем среднеязычности: *тьма, просьба, судьба, горькій, возьму*... **§ 64.**

Если слѣдующей согласной фонемѣ свойствен произносительно-слуховой элемент среднеязычности, то предшествующая ей другая фонема согласная может с произносительной стороны сопровождаться или приближеніем или же неприближеніем средней части языка к небу, но со стороны слуховой, со стороны акустическаго воспринимания, различіе этих двух случаев весьма незначительно. В связи с этим находится непримѣненіе в таких случаях графемы ь между обѣими графемами, асоціируемыми с представленіями двух сочетающихся согласных фонем: *трет, для, дня, вѣсть, кость, гвоздя, пня, блюсти, млечный, влечот, мнѣніе, прясть*.... (а никогда *тьрет, дьля, дьня, вѣсьть, kосьть, гвозьдя, пьня, бьлюсьти, мьлечный, вьлечот, мьнѣніе, пьрясть*...), точно так же как *тру, длань, дна, вѣсточка, косточка, гвоздок, пнут, блуд, младшій, влажный, много, прах*....

Только русскія фонемы, асоціируемыя с русскою

графемой *л*, так ясно и опредѣленно расходятся по сопутствующей им работѣ средней части языка и по обусловленному этою работою акустическому впечатлѣнію, что при них их „мягкость“ (при приближеніи средней части языка к небу) или же „твердость“ (при неприближеніи средней части языка к небу) всегда находит себѣ опредѣленный графическій (писанно-зрительный) символ, все равно, слѣдует ли за этими согласными другая согласная фонема однородная с ними по работѣ средней части языка, или же разнородная: *толпа, полба, волка, лгать, волхв, болтать, колдун, ползать, полный...*, но *Альпы, стрѣльба, сколько, Ольга, ольха, альта, польза, вольный...*; *альпинист, гульбище, валькѣ, Ольгѣ, ольхѣ, в альтѣ, льдина, пользѣ, льняной...*, но *толпиться, в полбѣ, волкѣ, лги, полстѣ, ползет, полнѣе....*

§ 65. Указанный выше (§ 62) главный вопрос русской графики связан с тѣм свойством русскаго языкового мышленія (русской церебраціи) в области писанно-зрительных представленій, благодаря которому каждая психически оживленная графема вызывает, путем асоціаціи по смежности, навязчивую идею из области произносительно-слуховой: графема гласная навязчивую идею работы средней части языка в момент, предшествующій непосредственно произнесенію соотвѣтствующей гласной фонемы; графема согласная навязчивую идею отсутствія в ней самой асоціаціи с работою средней части языка, свойственною соотвѣтствующей фонемѣ. Таким образом можно сказать, что при графемах гласных имѣем дѣло с навязчивою идеей в положительном смыслѣ, в смыслѣ прибавленія новой асоціаціи; при графемах же согласных имѣем дѣло с навязчивою идеей в смыслѣ отрицательном, т.-е. в смыслѣ недостатка извѣстной асоціаціи.

Только на русскія графемы *ж ш ч щ, ц, й* можно смотрѣть как на свободныя от упомянутой навязчивой идеи (см. § 57).

Свойственная русскому языковому мышленію „психологія“ графем отличается принципіально от психологіи, связанной с примѣненіем „научных“, „условных“, „транскрипціонных“ графем. Такія графемы должны быть совершенно свободны от всѣх подобнаго рода навязчивых идей. § 66.

Графема **а** асоціируется здѣсь с объединенною совокупностью произносительно-слуховых представленій одной только гласной фонемы, без всяких плюсов, тогда как в русском языковом мышленіи графемам *а* | *я* и т. д. свойственна упомянутая (§ 65) навязчивая идея в положительном смыслѣ. Если графему **б** примѣнять как графему научнаго „транскрипціоннаго“ характера, то она должна вызывать полную асоціацію со всѣми произносительно-слуховыми представленіями, связанными с соотвѣтствующею согласною фонемой, без всяких недостатков.

В русском языковом мышленіи и при его каждовременном обнаруживаніи и восприниманіи постоянно напоминают о себѣ прежде всего два произносительно-слуховых элемента: 1) при фонемах согласных — представленіе работы средней части языка и обусловливаемаго этой работой акустическаго впечатлѣнія; 2) при гласных фонемах — отношенія ударяемости (представленія относительной интенсивности работ голосовых связок гортани) и вызываемыя этим разныя степени самостоятельности и устойчивости гласных. — Но именно об этих двух произносительно-слухо- § 67.

вых элементах учебники русскаго языка постоянно забывают, путая самым отчаянным образом „буквы“ со „звуками“, писанно-зрительную сторону языкового мышленія с его стороною произносительно-слуховою.

§ 68. Из предшествующаго (§ 65) мы знаем, что при асоціаціи сочетаній фонемы согласной и гласной с сочетаніями соотвѣтствующих этим фонемам графем (*ба* | *бя*, *лу* | *лю*, *сы* | *си*, *то тэ* | *те тѣ*...) первою графемой не опредѣляется вовсе свойственное фонемѣ согласной представленіе той или другой работы средней части языка („твердость“ или „мягкость“), и что эту роль исполняет вторая графема, асоціируемая по преимуществу с гласною фонемою. Спрашивается: которая из этих двух асоціацій, свойственных графемѣ гласной,—т.-е. асоціація ли с представленіем извѣстнаго страдательнаго уклада всей полости рта, свойственнаго данной гласной фонемѣ, или же асоціація с представленіем той или другой работы средней части языка в предшествующій данной гласной фонемѣ произносительный момент—, важнѣе в языковом мышленіи русскаго грамотнаго человѣка?

Прежде чѣм отвѣтить на этот вопрос, слѣдует замѣтить, что непосредственная, прямая асоціація гласной графемы с соотвѣтствующим ей комплексом произносительно-слуховых представленій разлагается на двѣ асоціаціи: 1) асоціацію с представленіем слогообразованія, 2) асоціацію с представленіем извѣстнаго опредѣленнаго страдательнаго уклада всей полости рта, как резонатора для выходящаго из полости гортани и акустически активнаго воздуха. Таким образом каждой русской гласной графемѣ, *а у о э ы*, *я ю е ѣ и і*, свойственны три асоціаціи: 1) с представленіем

слогообразованія, 2) с представленіем извѣстнаго уклада всей полости рта, 3) с представленіем той или другой работы средней части языка в составѣ произносительных работ предшествующей согласной фонемы и того или другого акустическаго эфекта („твердость" или „мягкость"), входящаго в состав цѣльнаго акустическаго облика этой согласной фонемы. Этою тройною асоціацией настоящія гласныя графемы русскаго языкового мышленія отличаются от графем *ъ* и *ь*, которым чужды асоціаціи 1-я и 2-я и свойственна только асоціація 3-я, в сопровожденіи других побочных асоціацій (см. § 46).

И так оказывается, что вопрос об относительной важности или силѣ асоціацій (§ 68) касается уже не двух, а цѣлых трех асоціацій. **§ 69.**

Из этих трех асоціацій асоціація 1-я, асоціація с представленіем слогообразованія, присуща всѣм случаям психической мобилизаціи гласных графем русскаго языкового мышленія. Из двух остальных болѣе важной, ибо постоянной и всегда одинаковой, является асоціація 3-я, побочная, асоціація с представленіем среднеязычности или несреднеязычности, „мягкости" или „твердости" предшествующей согласной фонемы. Она, эта 3-я асоціація, упраздняется только при самодовлѣющих в этом отношеніи согласных графемах: *ц*, *ж ш ч щ*, *й* (см. 57). Асоціація 2-я, асоціація с представленіем извѣстнаго пасивнаго уклада всей полости рта, как неустойчивая, непостоянная, мѣняющаяся, оказывается менѣе важной, менѣе цѣнной и отступает на второй план.

Благодаря этому свойству языкового мышленія русскаго грамотнаго человѣка, при отсутствіи гласной графемы, опредѣляющей „твердость" или **§ 70.**

„мягкость“ согласной фонемы, требуется соотвѣтственный сурогат, т.-е. ъ („знак твердый“) „для обозначенія твердости“ и ь („знак мягкій“) „для обозначенія мягкости“. Отсутствіе буквы ъ в концѣ писанных русских слов или т. н. „писанье без еров“ („безъерье“) дѣйствует на своеобразных „патріотов“ как красная тряпка на быка, а, например, покойный А. С. Будилович считал подобную ороографическую ересь чуть ли не преступленіем и дерзновенным покушеніем на три исконных устоя русской государственности. Таких правовѣрных приверженцев сохраненія буквы ъ на концѣ слов можно успокоить замѣчаніем, что, если возможно писать *полка*, *гадкій*, *кроткій*, *самка*, *бабка*, *носка*, *возка* ... (а не *полъка*, *гадъкій*, *кротъкій*, *самъка*, *пробъка*, *носъка*, *возъка* ...), то не произойдет никакой бѣды и от написаній *пол*, *гад*, *крот*, *сам*, *баб*, *нос*, *воз* ... Вмѣсто графическаго нуля желающіе могут подставлять мысленно букву ъ (ср. § 108).

§ 71. Затѣм, бо́льшая важность 3-ей асоціаціи по сравненію со 2-ой сказывается в примѣненіи графем *е* и *ѣ* даже в случаях соотвѣтствія самым привилегированным мѣстам произносительно-слухового языка, т.-е. даже в ударяемых слогах. Вѣдь с этими графемами может асоціироваться то представленіе уклада всей полости рта, свойственнаго фонемѣ [е], то представленіе уклада всей полости рта, свойственнаго фонемѣ [о], а между тѣм асоціація этих графем с представленіем предшествующаго данным фонемам приближенія средней части языка к небу остается во всѣх случаях без измѣненія. Вѣдь для того, чтобы надлежащим образом „прочесть“, с одной стороны, *предмет*, *учебный*, *смертный* ..., *цвѣт*, *бѣлый* ..., с другой же стороны, *подметка*, *слезы*, *мертвый* ..., *цвѣл*, *звѣзды* ...,

надо „понимать“ слова, обнаруженныя здѣсь посредством письма, т.-е. асоціировать их со свойственными им семасіологическими представленіями и расчленять их морфологически. Единственное, что можно a priori сказать про графемы *е* и *ѣ* в ударяемых мѣстах языкового мышленія, это то, что с ними всегда асоціируется представленіе одной из гласных фонем средняго раствора или средняго съуженія; но, будет ли это съуженіе образовано губами, или же среднею частью языка по отношенію к твердому небу, это уже опредѣляется „пониманіем“ слова.

Относительно бо̀льшая важность 3-ей асоціаціи графем гласных по сравненію со 2-ою асоціацией подтверждается тоже встрѣчаемыми случаями „малограмотных написаній“. Маломальски усвоившій себѣ асоціаціи русских писанно-зрительных представленій с русскими представленіями произносительно-слуховыми навряд ли напишет *носъ, возъ, мортвый, звозды*... вмѣсто *несъ, везъ, мертвый, звѣзды*..., ибо указаніе с помощью букв *е* или *ѣ* на „мягкость“ предшествующей фонемы является для него дѣлом первостепенной важности. Ну, а уж о написаніях *олка, ожъ*... вм. *елка, ежъ*... и рѣчи быть не может, хотя конечно, возможны написанія *йолка, йожъ*... § 72.

Важность 3-ей асоціаціи при графемах гласных сказывается тоже в их примѣненіи при сочетаніях с графемами согласных *ж ш ч щ ц*, асоціируемыми без остатка с полнотою представленій, входящих в состав данной фонемы, объединенной одновременностью исполненія работ и одновременностью сложнаго акустическаго впечатлѣнія (при графемѣ *щ* двух соединенных фонем). По свойству § 73.

соотвѣтствующих графемам *ж ш ч щ ц* согласных, написанія *жи ши чи щи* могут вызывать, сообразно с личным произношеніем, обнаруженіе или гласной фонемы, для которой вообще имѣется графема *и*, или же гласной фонемы, для которой вообще имѣется графема *ы*.

Написанія *цыган* или *циган*, *цырюльник* или *цирюльник*, *цынга* или *цинга*..., *цълую* или *цалую* или *цэлую*... не связаны вовсе с произносительно-слуховыми различіями и вызывают в произносительно-слуховой области одинаковыя обнаруживанія.

Наконец, сюда относится присвоеніе графемам *ъ* и *ь* в концѣ слов послѣ графем *ж ш ч щ* не фонетической (произносительно-слуховой), а только морфологической асоціаціи: *ножъ*, *нашъ*, *пріемышъ*, *куличъ*, *плачъ* (существ.), *плащъ*..., но *дрожь*, *мышь*, *ночь*, *плачь* (глагол), *помощь*... (§§ 57, 103, 108)

3. Русское правописаніе (орѳографія).

§ 74. Природа русскаго правописанія, и как теоріи, как изслѣдованія, и как сборника правил, подлежащих пересмотру и измѣненіям, объясняется тѣм общим свойством нетолько русскаго, но и многих других писанно-зрительных языков, что принимается здѣсь во вниманіе нетолько фонетическая (произносительно-слуховая), но тоже морфологическая сторона языкового мышленія. На письмѣ „передается" не только произношеніе, но вмѣстѣ с тѣм дѣленіе текущей рѣчи на морфологическіе элементы, на слова и морфемы.

Тут прежде всего надо отмѣтить бѣдность письма, бѣдность писанно-зрительнаго языка, в сравненіи с языком произносительно-слуховым,

т.-е. с языком в тѣсном смыслѣ этого слова. Как выше (§ 59) указано, имѣются опредѣленныя графемы:

1) для согласных только в положенiи перед гласными, да и то столь важное в русском языковом мышленiи произносительно-слуховое различiе согласных „мягких" и „твердых", т.-е. различiе свойственных согласным фонемам представленiй работ средней части языка, опредѣляется сочетанiем с графемами гласных;

2) для гласных только на высшем произносительно-слуховом уровнѣ, т.-е. в слогах ударяемых, да и то, во-первых, при существованiи [i] измѣняемаго („**i** mutabile"), т.-е. при зависимости акустическаго различiя двух фонем [**i**], соотвѣтствующих вообще графемам *ы* и *и* или *i*, от сочетанiя с представленiем предшествующей гласным фонемам работы средней части языка, или в составѣ особой согласной фонемы, или даже без всякой особой согласной фонемы (§ 44), во-вторых же при двойственной асоцiацiи графем *е* и *ѣ*, раз с фонемою [e], другой раз с фонемою [o] (§ 71).

Графемы для фонем в других положенiях опредѣляются „координатами нашего мышленiя" на основанiи общности альтернирующих (чередующихся) морфем в составѣ различных слов и граматических форм (§§ 59, 62).

Но это пользованiе графемами, заимствованными у случаев самаго опредѣленнаго сочетанiя и положенiя соотвѣтствующих фонем, по обычаю, господствующему вообще в русском языковом мышленiи и его обнаруживанiи, не нарушает произношенiя, т.-е. не выходит за предѣлы общей согласованности с произносительно-слуховою стороной языка. **§ 75.**

§ 75.

Если мы отличаем написанія

рот | *род*
вести | *везти*...

на основаніи морфологическаго родства этих слов со словами *рта, рода, веду ведет..., везу везет...*, то все-таки эти различныя написанія могут дать в произносительно-слуховом языкѣ только одно и то же произнесеніе:

рот = *род*, *вести* = *везти*...

Точно так же различныя написанія

чистота | *частота*,
погоди | *посади*...,

требуемыя морфологическим родством со словами *чистый, частый, год, сад*..., не смотря на различіе графем гласных в первом слогѣ слов 1-го ряда и во втором слогѣ слов второго, должны, при одинаковости фонетическаго построенія со стороны ударенія, первыя два звучать вполнѣ одинаково, а вторыя два с одинаковою гласной во 2-ом слогѣ.

Согласныя, в независимом или, точнѣе, в минимально зависимом положеніи глухія или звонкія, находясь послѣ гласных того же слога, в концѣ слога или же перед согласными (сжатыми или же спирантными) того же слога, вполнѣ отожествляются:

просить вопроса, возить воза..., но *просьба* = *прозьба, вопрос* = *вопроз, воз* = *вос*,

пята, вода, пробочник, попа, баба, рога, рока..., но *пятка*=*пядка, пробка*=*пропка, поп*=*поб, баб*=*бап, бабка* = *бапка, рог* = *рок*...

§ 76. Согласныя сонорныя, т.-е. носовыя, [m], [n], [ḿ], [ń], и „плавныя“, [r], [l], [ŕ], [l′], являются независимыми и исполняются согласно с намѣреніем, т.-е. согласно со сложным представленіем их произносительно-слухового состава, в непосредственном сочетаніи с гласными того же слога, как слѣдующими, так и предшествующими:

мать, мыло, нос, сына, мило, мясо, нѣт, ткнет..., *раз, рода, лапа, лужа, рѣзать, ряса, ляжет, долина...*

дам, подъем, сын, конка, семь, дань..., *дар, касир, был, провал, царь, снигирь, даль, мозоль...*

Отдѣленныя же от гласных того же слога другими согласными, эти согласныя сохраняют звонкость только в случаѣ, если отдѣляющія их от гласных согласныя тоже звонки; если же эти отдѣляющія согласныя сопровождаются отсутствіем звонкаго дрожанія голосовых связок, то и отдѣленныя ими от гласных согласныя [r], [l], [ŕ], [l′], [m], [n], [ḿ], [ń] становятся тоже глухими:

ржавчина, лба, лжот, мгут, рдѣет, льгота, мгла, мзда...,

но *ртуть, ртом, льстец, мкнут, мшистый...*, *смотр, Петр, вопль, мысль, драхм, жандарм, пѣснь...*

Между тѣм глухія [r] [ŕ] [l] [l′] [m] [ḿ] [n] [ń] вовсе не предвидѣны русским языковым мышленіем и вовсе не существуют в нем как самостоятельныя, обособленныя фонемы. Тѣм понятнѣе в виду этого отсутствіе для них паралелей в писанно-зрительном языкѣ, т.-е. особых графем.

§ 77. Возьмем примѣрно слѣдующее четверостишіе В. С. Соловьева:

Гонима, Русь, ты безпощадным роком,
как нѣкогда невѣрный Вилеам:
заграждены уста твоим пророкам,
а слово вольное дано твоим ослам.

§ 77.

Предполагая сохраненіе ударяемости, свойственной отдѣльным словам этого отрывка, мы могли бы, отвлекаясь от морфологических связей этих слов, написать их слѣдующими различными способами:

гонима ганима гонимо,

Русь Рузь,

безпощадным бѣзпощадным бизпощадным, беспощадным бѣспощадным биспощадным, безпащадным беспащадным бизпащадным, биспащадным, безпосчадным, бизпосчадным, беспосчадным ..., безпощядным, безпосчядным ..., безпощадном ...

роком рокам,

как каг,

нѣкогда, некогда, нѣкагда, некагда, нѣкыгда, нѣконда, нѣкогдо ...,

невѣрный, нѣвѣрный, неверный, невѣрной, неверной, нѣверной и т. д.

Чѣм зависимѣе данная фонема от сочетанія с другими фонемами и от положенія в словѣ, тѣм разнообразнѣе возможность ея графической передачи, т.-е. тѣм с большим количеством графем она может асоціироваться с чисто произносительно-слуховой точки зрѣнія, внѣ сферы асоціацій с представленіем морфологической дѣлимости слова. Названное выше четверостишіе можно выразить в слѣдующих схемах:

1) для согласных графем:

г н м р $\genfrac{}{}{0pt}{}{с}{з}$ *т б* $\genfrac{}{}{0pt}{}{с}{з}$ *п* $\genfrac{}{}{0pt}{}{щ}{сч}$ *д н м р к м*

к $\genfrac{}{}{0pt}{}{к}{г}$ *н к* $\genfrac{}{}{0pt}{}{г}{к}$ *д н в р н й в л м*

з г р ж д н $^{с}_{з}$*т тв м пр р к м*

сл в в ль н д н тв м сл м

2) для гласных графем:

о и а у ы е о а ы о о
а о ѣ а я о а
и а ы
я

а ѣ о а е ѣ ы и е а
о е а о ѣ е о ѣ ѣ
ы а е
я

а а е ы у а о и о о а
о о ѣ а а о
ы ы ы

а о о о о е а о о и о а
о а а ѣ а а а
ы я

§ 78. Разсматривая эту сторону русскаго правописанія в связи с правописаніем древне-церковно-славянским, мы должны замѣтить, что в древне-церковно-славянской письменности не могло быть подобнаго принципа правописанія, по которому в мѣстах зависимаго произношенія примѣняются графемы, заимствованныя от мѣст произношенія независимаго. В древне-церковно-славянском произносительно-слуховом языкѣ отдѣльныя

фонемы были гораздо независимѣе в своих проявленіях, удареніе не вліяло на измѣненія гласных, всѣ слоги были открытые, гласныя фонемы, асоціированныя с графемами **ъ и ь**, отдѣляли согласныя, послѣ исчезновенія этих гласных (свойственных тоже древне-русскому языковому состоянію) пришедшія в непосредственное соприкосновеніе и одностороннюю, а иногда даже обоюдную зависимость, что и сказалось в русской фонетикѣ.

Теперешнія непослѣдовательности русскаго правописанія, в родѣ написаній, с одной стороны,

избавить, розвальни, разбор..., но *исписать, росписка*...,

с другой же стороны,

нетолько *подобрать, подбавить, поддать, под горой*..., но и *подписать, подкузьмить, под скалой*,

нетолько *отобрать, оттиснуть, отказать*..., но и *отбавить, отбивать, отгадать*...,

объясняются перенесеніем в русское языковое мышленіе написаній, свойственных церковно-славянским памятникам.

§ 79. Способ писанія слов не по одному только их произношенію, т.-е. не на основаніи асоціацій писанно-зрительных представленій с одними только произносительно-слуховыми представленіями, но принимая в соображеніе также асоціаціи с представленіями морфологическаго родства слов в данном состояніи языкового мышленія, такой способ называется обыкновенно этимологическим принципом правописанія.

Но этимологическій принцип в обширном смыслѣ этого слова вмѣщает в себѣ тоже соображенія и даже безсознательно сложившіяся привычки другого порядка, а именно·

1) написанія историческія, соотвѣтствующія прежнему составу слов, но не объяснимыя сопоставленіем с другими современными словами, напр.,

второй, вторник..., хотя нельзя отрицать, что написаніе *в* в этих словах может поддерживаться привычкою изображать особую морфему или представку (предлог) *в-*, *во-* во множествѣ русских слов.

В остальном под историческій принцип подходят всѣ случаи выше (§ 75) указаннаго и разобранаго „этимологическаго" принципа, точнѣе, принципа, основаннаго на морфологической асимиляціи или „аналогіи".

2) Кромѣ отраженія исторіи на письмѣ, кромѣ обращенія в сторону прошлаго, под этимологическій принцип в обширном смыслѣ этого слова подходит соображеніе родства со всѣми говорами данной языковой области. Русскій литературный язык является объединяющею, центростремительною нормою не для одних только „акающих", но тоже для „окающих". Стало-быть, при писаніи слов надо принимать в соображеніе „окающее произношеніе". Написаніе *о* в первом слогѣ слова *вода*, *годовой* и т. п. опредѣляется морфологическою асимиляціей в предѣлах любого „акающаго" языкового мышленія. Написаніе того же *о* в первом слогѣ слова *король*, во втором слогѣ слова *колокол* может опредѣляться привычкою к цѣлому ряду слов с сочетаніями *оро*, *оло* (т. н. „полногласіе"). Но все таки рѣшающим моментом для написанія *король*, *колокол*... и даже *вода*, *погоди*..., с „буквою" *о*, надо считать „окающее произношеніе", точно так же как „окающим" произношеніем рѣшается окончательно написаніе *сапог* с *а*, а не с *о*. § 80.

3) В связи со всѣми тѣми „принципами" или направленіями мышленія в области правописанія § 81.

находится начало чисто традиціонное, подражательное, т.-е. сохраненіе написаній, свойственных церковно-славянским памятникам. Это начало перекрещивается с другими. Сюда относятся:

-аго, *-ого*, *-его* в род. пад. прилагательных и мѣстоименій,

различеніе *ѣ* и *е*,

написанія *жи*, *ши*, *чи*, *щи*..., *че*, *же*, *ше*, *ще*... (§§ 44, 48, 65, 73),

-ый, *-ій* в именит. пад. ед. ч. мужск. р. прилагательных: *добрый*, *синій*..., *высокій*..., раньше тоже *пустый*..., *сухій*... (§§ 44, 45).

§ 82. Различеніе *ѣ* и *е* не имѣет ни малѣйшаго основанія в теперешнем русском языковом мышленіи и объясняется только желаніем подражать церковнославянским написаніям (§ 50). Для русскаго объективнаго языкового мышленія это только альтернаціи или чередованія одной и той же графемы, хотя и отличаемыя особыми названіями, „*е*“ и „*ять*“ (§ 26). Если различаем *е* и *ѣ*, то с равным правом могли бы воспользоваться различеніем разных видов графем *д* (∂, g) и *т* (m, ⁊) и пріурочить эти виды к опредѣленным словам, согласно с их дѣйствительным или же мнимым историческим происхожденіем.

С точки зрѣнія современнаго русскаго языкового мышленія гораздо болѣе смысла, чѣм различеніе *е* и *ѣ*, имѣло бы различеніе на письмѣ фонемы [*е*] с предшествующим ей среднеязычным сближеніем от фонемы [о] с таким же предшествующим ей среднеязычным сближеніем, т.-е. постоянное различеніе графем *е* и *ё* (или какой-либо другой графемы с таковою же асоціаціей с произносительно-слуховыми представленіями).

При общеніи с помощью письма нельзя отказать различенію графем *е* и *ѣ* в проявленіи извѣстнаго альтруизма. Довольно указать на различеніе слов *есть* и *ѣсть*, *ели* и *ѣли* ... Однакож дѣло представляет в ином свѣтѣ, если мы будем имѣть в виду альтруизм педагогическій, а именно сбереженіе умственной энергіи множества людей и облегченіе усвоенія грамотности народными масами и будущими поколѣніями.

4) В каждой письменности имѣются написанія, обязанныя своим происхожденіем вліянію иноязычных написаній, вліянію чужого писанно-зрительнаго языка. Сюда относятся всѣ заимствованія путем письма, в отличіе от заимствованій, вошедших в данный язык через непосредственное общеніе посредством слуха, путем вліянія одного произносительно-слухового языкового мышленія и его обнаруживанія на другое произносительно-слуховое языковое мышленіе и его обнаруживаніе. § 83.

Передача иноязычных писанных слов с помощью своих, в данном случаѣ русских, писанных слов развивает рабство перед буквой и стремленіе писать вопреки произносительно-слуховым особенностям собственнаго языка. Вообще русскіе передают чужія слова и собственныя имена „согласно произношенію“; но, частью для облегченія обратной передачи русскаго написанія написаніем подлинным, частью же для того, чтобы щегольнуть учоностью, вводят в русскія написанія сочетанія „букв“, совершенно противорѣчащія произносительно-слуховым привычкам и даже просто, с этой точки зрѣнія, невозможныя и недопустимыя. Так слѣдует объяснять, между прочим, написанія фамилій *Шмит*, *Шмитт*, *Шмидт* ... вм. нѣмецких *Schmit*, *Schmitt*, *Schmidt* ..., между тѣм как *Hegel*,

Goethe, *Bordeaux*, *Beauharnais*... передаются через *Гегель*, *Гете*, *Бордо*, *Богарнэ*...

В виду такой передачи довольно странным кажется усердіе, с которым в заимствованных словах пишутся двойныя согласныя:

аккорд, *аккуратно* ...,
аллея, *параллель*...,
масса, *миссія*, *миссіонер*, *коммиссія*...

и даже *привиллегія*, *диллеттант*, *проффессор*, *литтература*...

Подобныя написанія вліяют на произносительно-слуховой язык, навязывая ему нѣчто такое, что вовсе не согласуется с его общим обликом.

§ 84. Морфологическая дѣлимость произносительно-слухового языка в самом обширном смыслѣ этого слова находит себѣ отраженіе в слѣдующих особенностях языка писанно-зрительнаго:

Періодам, фразам, предложеніям соотвѣтствуют красныя строки, знаки препинанія в родѣ точки (.), двоеточія (:), точки с запятой (;), запятой (,), больших букв послѣ точки. Отдѣлы рѣчи символизуются в написаніи главами, параграфами, отдѣлительными чертами (—).

Предложеніе, как цѣлое, распадается на синтагмы или слова, как синтаксическія единицы, синтаксическіе элементы. Отдѣленіе синтагм в писанно-зрительном языкѣ достигается на письмѣ посредством пауз или пробѣлов между писанными словами. Сюда относятся тоже „тире“ или отдѣлительныя черточки (-), употребляемыя в сложеніях слов.

Отдѣленіе морфем или морфологических элементов, входящих в состав синтагмы, как цѣлаго, достигается на письмѣ с помощью морфологическаго принципа правописанія, или писанія на основаніи

морфологической асимиляціи (§§ 75, 76): *водка, просьба...,* а не *вотка, прозьба ...* и т. п.

Сказанное о русской графикѣ (§§ 62—73) и о русском правописаніи (§§ 74—81) мы можем в извѣстном смыслѣ обобщить слѣдующим образом: Асоціаціи писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, разбираемыя в отдѣлѣ графики, касаются, с произносительно-слуховой стороны, по преимуществу представленій работ средней части языка в полости рта, асоціаціи же писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, подходящія под понятіе правописанія или орѳографіи в тѣсном смыслѣ этого слова, вращаются по преимуществу в полости гортани: при согласных различіе глухих и звонких, при гласных же различія акцента или ударяемости, хотя этими послѣдними вызываются тоже значительныя, как количественныя, так и качественныя, различія укладов всей полости рта. § 85.

Сторона асоціацій с семасіологическими представленіями, т.-е. с представленіями значенія, сказывается в русском писанно-зрительном языкѣ слѣдующим образом: § 86.

1) при отсутствіи особых писанно-зрительных показателей;

2) в особых показателях семасіологических различій.

1-й вид относится ко всѣм написаніям без знаков ударенія. При чтеніи необходимо присоединяется асоціація с представленіем произношенія цѣлаго слова по отношенію к его акцентовочному строенію. Конечно, это связано тоже с представленіем дѣленія слова на морфологическія части или

на морфемы. Так напримѣр, *потом, начала* (двоякое удареніе, двоякій акцент и два значенія), *пугала* (троякое удареніе и три значенія), *созыв* (два ударенія), *замок, домового* (или *домоваго*) *домовому*..., *окружного* (или *окружнаго*) *окружному*... Ср. тоже *должен* и *должон, домовый* и *домовой, окружный* и *окружной; поет*, но *воет* и т. п.

Эта сторона русскаго письма и чтенія выступает особенно ярко, если его сравнить с письмом и чтеніем языков с морфологически неподвижным акцентом (удареніем), напр., с письмом и чтеніем польским, чешским, французским. Зато напр., нѣмецкое письмо и чтеніе носит другой характер, напоминающій характер русскаго письма и чтенія, потому что как раз представленіям нѣмецкаго акцента (ударяемости) свойственны по преимуществу асоціаціи с семасіологическими представленіями, в связи с морфологическим расчлененіем слов.

§ 87. 2-й вид отраженія семасіологических различій в написаніях русских слов обнимает собою прежде всего всѣ тѣ случаи, когда вообще, в согласіи с произношеніем и с морфологическою дѣлимостью, имѣются различныя написанія. Напр.: *дам* и *там, гад* и *кат, гадок* и *каток, грусть* и *груздь, бобы* и *попы, баба* и *мама, мой* и *мои* и т. п.

Затѣм, сюда относится различеніе двух слов *мир* и *мір* с условным примѣненіем в одном „*и* осьмиричнаго", в другом „*і* десятиричнаго"; а если к этому прибавить *мѵро* (с „ижицей"), то получится тройное: *мира, міра* и *мѵра*, и т. д.

Точно также, в связи с морфологическою дѣлимостью слов, с представленіем различія семасіологических представленій может асоціироваться представленіе различнаго примѣненія графем *ѣ* и *е;*

напр., с одной стороны, *на море, на поле, на ложе...*, с другой *на морѣ, на полѣ, на ложѣ...* (§ 106).

Примѣненіе больших букв в началѣ собственных имен и других слов особаго вѣса относится к категоріи писанно-зрительных различеній по семасіологическим соображеніям.

К разряду семасіологических асоціацій относится также употребленіе знаков удаpенія для отличенія одних слов от других: *пòтом* и *потòм, зàмок* и *замòк, пýгала пугалà* и *пугàла* и т. п.

Наконец, с семасіолотическими представленіями асоціируются нѣкоторые знаки препинанія: до извѣстной степени двоеточіе (:); затѣм, знак вопросительный (?), знак восклицательный (!), кавычки („ “), предполагаемый и возможный знак ироніи, многоточіе (.......), как знак догадки или восполненія недостающаго самим читателем; курсив, разрядка, подчоркиваніе, большія буквы в началѣ собственных имен или других привилегированных слов. § 88.

Этою стороною, стороною осуществленія асоціацій с семасіологическими представленіями, письмо, основанное на асоціаціи писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, соприкасается с письмом идеографическим, гіероглифическим, т.-е. с письмом, основанным на непосредственной асоціаціи писанно-зрительных элементов с элементами значенія, с элементами семасіологическими.

В заключеніе этого отдѣла о правописаніи позволю себѣ коснуться правописанія (орѳографіи) как практики, как искусства писать. § 89.

В виду разнообразных орѳографических споров и в виду стремленія к цѣлесообразным реформам

и в этой области, я должен заявить, что стою за принцип свободы в правописанiи, т.-е. за принцип свободнаго выбора, а не за „принцип“ или хожденiя ощупью, на угад, или же произвола и самодурства.

Предпочтенiе к тому или другому способу писать опредѣляется у разных людей привычками чтенiя, затѣм различенiем потребностей личности, взятой в отвлеченiи от общества, и потребностей общественной жизни. Примѣняя принцип свободнаго выбора, слѣдует еще различать: обыкновенное, „обывательское“ мышленiе и учоность, т.-е. лингвистическое мышленiе; в лингвистическом же „учоном“ мышленiи два его рода, лингвистическое мышленiе добровольческое и настоящее, дѣйствительно научное. При свободном выборѣ одни могут руководствоваться болѣе преданiем или желанiем сохранить связь с прошлым, другiе желанiем удовлетворить по преимуществу потребности настоящаго времени, потребности современности; одни желанiем по возможности сохранить в написанiи связь с чужими языками, из которых заимствованы извѣстныя слова, другiе же и при написанiи таких слов стремленiем к полному усвоенiю или к окончательной асимиляцiи (первые пишут *аккуратно* и даже *проффессоръ*, а другiе *акуратно*, *професоръ*, см. § 83).

Сюда относятся: различенiе или неразличенiе *ф* и *ѳ*, различенiе или неразличенiе *е* и *ѣ*, различенiе или неразличенiе *и* *i* и *ѵ* („ижица“) (*мiръ миръ мѵро*) (см. § 87).

Наконец, принимая тот или другой способ писать, одни могут руководствоваться соображенiями эгоизма, другiе соображенiями альтруизма, понимаемаго впрочем весьма различно.

---

§ 90.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Дѣленіе писаннаго слова на фонетическія и морфологическія части.

Слова произносительно-слухового языка дѣлятся, с одной стороны, на фонемы (§ 10), с другой же стороны, на дальше неразложимыя морфологическія единицы, на морфемы, асоціируемыя в своем произносительно-слуховом составѣ с представленіями семасіологическими (с представленіями значенія) и с представленіями построенія, с представленіями морфологическими. Недѣлимыя сами по себѣ морфемы повторяются в других сочетаніях; а эта возможность отдѣленія от одних сочетаній и соединенія с другими и является объективным средством установленія морфологических элементов языкового мышленія. § 91.

Это разложеніе слов произносительно-слухового языка на фонемы и морфемы стараются обозначать и в соотвѣтствующих произносительно-слуховым словам сочетаніях единиц писанно-зрительнаго языка.

§ 90.

Обыкновенно нетолько в школьных учебниках, но даже в сочиненіях, претендующих на научность, выходят при этом от букв и просто отдѣляют буквы и сочетанія букв от букв и сочетаній букв, замѣняя этим проникновеніе в сущность произносительно-слухового языка. Вѣдь иначе пришлось-бы мыслить и шевелить мозгами, а подобное занятіе и тяжело и, может быть, даже опасно.

И вот мы встрѣчаемся со слѣдующим дѣленіем „слов" на „звуки":

в-о-д-а, в-я-з-а-т-ъ, б-л-ю-с-т-и и т. п.,

точно есть в самом дѣлѣ „звуки" (т.-е. произносительно-слуховыя цѣлыя), совпадающіе без остатка и без недостатка с графическими цѣлыми: *в, д, з, т, б, л, с, т* ..., *о, а, я, ю, и* ... (см. §§ 10, 40, 42, 55—57, 62, 65—72).

Морфологическое же дѣленіе слов на „корни", „приставки", „представки", „основы", „окончанія" и т. п. осуществляется у наших „учоных" и „педагогов", между прочим, слѣдующим образом:

вод-а ..., *дын-я, земл-я* ..., *ше-я, змѣ-я, стру-я* ..., *стол-ъ* ..., *кон-ь* ..., *кра-й, обыча-й*...,

Как ни невинными кажутся подобные топорные и безсмысленные пріемы, в них тѣм не менѣе проявляется путаница и смѣшеніе понятій: смѣшеніе букв со звуками, графем с фонемами. Эти господа слѣдуют рабски за буквами и вовсе не разбираются в том, что они сами называют „звуками". Они не отличают дѣйствительных морфем (морфологических частей слов) от каких то смутных и неопредѣленных сочетаній чего-то произносимаго и слышимаго. Ибо как же иначе объяснить принимаемыя ими „окончанія" *я* (*дын-я ше-я* ...), *й* (*кра-й* ...), *ъ, ь*

(*стол-ъ ..., кон-ь ...*), поставленіе „окончаній“ *ъ, ь* на равнѣ с „окончаніями“ *а, я* и с „окончаніем“ *й*?

Этим нашим „воспитателям“, дѣйствующим с одобрѣнія „авторитетных властей“, мы обязаны ядом, отравляющим наше мышленіе нетолько по части языка, но и вообще.

Подобнаго рода пріемы дѣленія слов мы должны просто отвергнуть, объявив их вредными и, стало-быть, недопустимыми.

Самым удобным способом, позволяющим нам без труда отражать и на письмѣ свойственное произносительно-слуховому языку дѣленіе слов на фонетическія и морфологическія части, является передача слов не с помощью обыкновеннаго русскаго письма со свойственными ему асоціаціями, а только с помощью транскрипціоннаго „научнаго“ письма, в котором самодовлѣющія графемы вполнѣ совпадают с соотвѣтствующими им фонемами, т.-е. сполна, без остатка, без излишка и без недостатка, указывают на всѣ психически живые произносительно-слуховые элементы соотвѣтствующих фонем. Обыкновенному русскому письму и письму транскрипціонному свойственны различныя психологіи (§ 66). **§ 91.**

Асоціируя с русскими написаніями *ба|бя, лу|лю...* общее представленіе обычнаго русскаго языкового мышленія, мы тѣм самим возбуждаем навязчивыя идеи, дѣлающія невозможным полный паралелизм письма и произносительно-слухового языка (§ 65).

Если же, даже пользуясь русскими буквами, мы напишем, напримѣр, *ба* (*бъа*) | *б'а* (*бьа*), *лу* (*лъу*) | *л'у* (*льу*)..., то уже этим самим создаем совпаденіе отдѣльных графем с отдѣльными фонемами. То, чего недостает графемам согласным обыкновен-

ных русских написаній и что опредѣляется только слѣдующими за ними графемами (различеніе „мягкости“ и „твердости“), то в „научной“ транскрипціи совмѣщается уже в графемѣ согласной. Графемам же гласным не приходится играть роли подспорья для графем согласных и онѣ вполнѣ совпадают с соотвѣтствующими им фонемами.

Тот же принцип проведен в сербской графикѣ, установленной Вуком Караджичем. Там немногочисленным самостоятельно средне-язычным („мягким“) согласным фонемам, свойственным сербскому произносительно-слуховому языку в отличіе от несреднеязычных („твердых“), соотвѣтствуют в писанно-зрительном языкѣ законченныя самодовлѣющія графемы: *њ љ ћ ђ*, в отличіе от *н л т д*. Кромѣ того в сербском имѣется *j*, дающее возможность писать *ја, јy, јe, јo* ... вмѣсто русских *я, ю, е, ѣ* ...

Во избѣжаніе соблазна, т.-е. для уменьшенія возможности сопровождать графемы нежелательными навязчивыми идеями из области произносительно--слуховой, при передачѣ русских слов транскрипціонным „научным“ письмом лучше пользоваться не русскими, а только какими-нибудь другими, хотя бы, напримѣр, латинскими буквами, т.-е.

ба бя передавать через *ba b'a*, *лу лю* — через *lu l'u* и т. п.

Обыкновенныя русскія написанія:

вода, дыня, земля, шея, змѣя, струя, столъ, конь край, обычай, вязать, блюсти, края, ищу, ее или *ея*...

принимают в транскрипціи слѣдующій вид:

при пользованіи русскими буквами,

вӑда́, ди́н'а, з'емл'а́, ше́йа, зм'ейа́, струйа́, стол, кон', край, ӑби́чай, в'аза́т', бл'уст'и́, кра́йа, 'шшчу́, йейо́...;

§ 91.

при пользованіи латинскими буквами,

vådá, díňa, žemľá, šéja, zmejá, strujá, stol, koň, kraj, åbíčaj, vazáť, bľusťi, krája, 'iščú, jejó...

И при употребленіи русскаго письма можно бы, по примѣру сербскаго, вмѣсто *й* подставлять *j* и писать:

шéја, зм'еја́, струја́, крај, åбúчај, крáја, јеј́о...

Относительно транскрипціонных сочетаній *ди, би, ст'и...* или *di, bi, sť i...* вмѣсто обычных *ды, бы, сти...* ср. то, что говорится о фонемѣ [im] (i mutabile) (§ 44).

Не слѣдует забывать, что, примѣняя транскрипціонное письмо, мы не гоняемся за безусловною точностью передачи всѣх произносительно-слуховых оттѣнков, — при наличных средствах это было бы покушеніем с негодными средствами, — а только имѣем в виду психическую сторону произносительно-слухового языка.

Примѣненіе подобнаго рода транскрипціи дает нам возможность изображать графически дѣленіе слов и на фонетическія и на морфологическія части, не вводя путаницы и смѣшенія понятій.

Дѣленіе на фонемы предстанет в слѣдующем видѣ:

в-å-д-á, д-ú-н'а-, ӡ-е-м-л'-á, ш-é-й-а и т. п.,

или же *v-å-d-á, d-í-ň-a, ž-e-m-ľ-á, š-é-j-a* и т. п.

Дѣленіе же на морфемы выразится слѣдующим образом:

вåд-á, дúн'-а, ӡемл'-á, шéй-а, струй-á, стол, кон', край, åбич-ай, в'аз-á-т', бл'ус-т'ú (или *бл'у-ст'ú*), *крáй-а, 'ишч-ý, й-ейó...*,

или же *våd-á, díń-a, žeml'-á, šéj-a, zḿej-á, struj-á, stol, koń, kraj, åbíč-aj, vaz-á-t', bl'us-t'i* (или *bl'u-st'i*), *kráj-a, 'išč-ú, j-ejó*...

Однакож мы не должны себя обманывать на счот совершенства транскрипціоннаго способа, в особенности не должны думать, что им устраняются всѣ навязчивыя идеи и вмѣстѣ с тѣм всякая путаница, всякое смѣшеніе понятій. Напротив того, примѣненіе с транскрипціонною цѣлью какого бы то ни было алфавита, со свойственною писанно-зрительному языковому мышленію прерываемостью (§§ 11 — 12), может имѣть послѣдствіем до извѣстной степени навязываніе міру произносительно-слуховому того, что ему совершенно чуждо. А этому міру свойственна не прерываемость в видѣ отдѣльных единиц, а только безпрерывное теченіе и незамѣтный переход одних работ и укладов в другіе. Конечно, подобнаго смѣшенія понятій легко избѣжать, относясь сознательно и с разбором к психическим процесам, происходящим в нас самих и в других членах языкового общенія.

§ 92. Графической символизаціи и фонетическаго и морфологическаго дѣленія произносительно-слухового языка можно достигнуть тоже при сохраненіи обычных русских написаній со всѣми свойственными им асоціаціями писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми. Только, само собой разумѣется, нельзя примѣнять при этом топорное отдѣленіе чертами (тире) или же отвѣсными линіями одних букв от других, в родѣ *в-я-з-а-т-ъ* или же *вол-я, ше-я*.

Первым долгом необходимо имѣть постоянно в виду, что всѣм графемам гласных русскаго языкового мышленія свойственна тройная асоціація с пред-

ставленіями произносительно-слуховыми (§§ 68—73), что графемам *ъ ъ* свойственна только одна из этих трех асоціацій (§ 57), что большинством графем согласных не сполна опредѣляется произносительно-слуховой состав соотвѣтствующих им фонем (§ 55) и, наконец, что графемы *ц, ж ш, ч, щ* занимают в этом отношеніи особое положеніе (§ 55).

К сожалѣнію, графемы представляют из себя недѣлимыя, неразложимыя цѣлыя. Если онѣ и состоят из нѣскольких частей, то все-таки нельзя сказать, что эти отдѣльныя части порознь асоціируются с отдѣльными „кинемами" и „акусмами", как далѣе недѣлимыми произносительно-слуховыми элементами (§ 10). Так например, нельзя сказать, что при графемѣ *Б б* одна ея часть асоціируется с представленіем работы губ, другая с представленіем сжатья органов, третья с представленіем поднятія мягкаго неба и закрытія снизу носовых полостей, четвертая с представленіем звукопроизводнаго дрожанія голосовых связок гортани и т. д. Точно так же нельзя сказать, что, например, из трех геометрических частей графемы *я* верхній круг асоціируется с представленіем слогообразованія, правая кривая с представленіем извѣстнаго уклада всей полости рта, а нижній лѣвый хвост с представленіем приближенія средней части языка к небу в произносительный момент, предшествующій произнесенію данной гласной фонемы (§§ 10, 68—73). Со всѣми частными произносительно-слуховыми представленіями, свойственными данной фонемѣ, как произносительно-слуховому цѣлому, асоціируются зараз и вся графема в цѣлом недѣлимом и всѣ ея части.

Слѣдовательно, изображая в обыкновенных русских написаніях фонетическое и морфологическое дѣленіе соотвѣтствующих написаніям произносительно-слуховых слов, нельзя прибѣгать

ни к отдѣленію одной буквы от другой (*в-о-д-а, м-и-л-я, з-м-ѣ-я..., вод-а, мил-я, змѣ-я...*), ни к раздѣленію букв на части, с присвоеніем каждой из этих частей особой частной асоціаціи с единым произносительно-слуховым представленіем. Разрѣзать букву пополам или же на три и болѣе частей значило бы убивать психически живую единицу, значило бы давать ложное показаніе об объективных отношеніях между писанно-зрительными и произносительно-слуховыми представленіями языковаго мышленія.

Если с данною графемой, прежде всего с графемою гласной, асоціируется представленіе или всѣх ея собственных произносительно-слуховых элементов, по скольку они вообще отражаются на письмѣ, или хотябы лиш одного из элементов, входящих в состав рядом мыслимой фонемы, — то эту двойственную роль данной графемы можно символизовать только ставя или над нею, или же под нею извѣстный опредѣленный условный знак, напр., отвѣсную черту, ˈ.

§ 93. Согласно с этим, мы можем показывать на письмѣ фонетическую дѣлимость слов, дѣлимость на фонемы, как отдѣльные произносительно-слуховые моменты, слѣдующим образом:

во̍|да̍, па̍|су̍, к|ра̍|ла̍...,
ве̍|ли̍, во̍|ля̍, пя̍|та̍...,
во̍|тъ̍, па̍|лъ̍, ли̍|лъ̍...,
пя̍|ть̍, да̍|ль̍, ко̍|с|ть̍...
да̍ дя̍ бы̍ би̍...
а̍ я̍, у̍ ю̍, э̍ о̍ е̍ ѣ̍, ы̍ и̍...
з|мѣ̍|я̍, с|т|ру̍|я̍, с|то̍|ю̍...
во̍|дѣ̍, не̍|се̍|тъ̍, не̍|се̍|те̍...
да̍|й̍, да̍|й̍|те̍...

При этом раздѣлительныя отвѣсныя черты, | , между буквами показывают, что в данном мѣстѣ

граница между графемами совпадает с границею между фонемами. Конечно, границы эти совершенно различнаго характера: при отдѣленных друг от друга графемах имѣется дѣйствительно граница, предѣл, отдѣленіе, пауза, при фонемах же незамѣтный безперерывочный переход (§§ 11—12).

Эти знаки раздѣленія над буквами *а, у, о, э, ы, и*, отдѣльно взятыми, показывают, что перед соотвѣтствующими этим графемам гласными фонемами мобилизуется психически представленіе извѣстной работы средней части языка по отношенію к небу: при *а у о э ы* удаленіе языка от неба, при *и* приближеніе языка к небу.

Сообразно с природою отдѣльных графем, т.-е. сообразно со свойственными этим графемам асоціаціями из міра произносительно-слухового, названная символизація фонетической дѣлимости с помощью особых знаков над буквами (или же под буквами) не во всѣх случаях одинаково необходима.

Она дѣйствительно необходима в случаях, как

я̇ ю̇ ė ѣ̇ и̇...,
ля̇ бя̇ ся̇..., лю̇ бю̇ сю̇..., лė бė сė..., лѣ̇ бѣ̇ сѣ̇...,

ибо здѣсь как оставленіе *я ю е ѣ и* без всякаго знака, так и раздѣленіе *л|я б|я..., л|ю..., л|е л|ѣ...* непремѣнно вызывают ложное представленіе о произносительно-слуховом составѣ соотвѣтствующих фонем и их сочетаній.

Другое дѣло с написаніями

а у э о...,
ла ба са..., лу бу су..., ло бо со..., лэ бэ сэ...

Как рядом с *полька, горька, просьба, пальба, коньки ..., брось, даль, конь...* могут существовать написанія *полка, горка, носки, полба, конка...* и даже *пол, дал,*

нос, он... (§ 70), как в транскрипціонном письмѣ считаем необходимым обозначеніе мягкости фонем согласных (*л' б' с' т'*... или *l' b' ṡ t'*...), а обозначеніе твердости фонем согласных считаем обыкновенно лишним (т.-е. пишем не *л° б° с° т°*... или *l° b° s° t°*..., а только просто *л б с т*... или *l b s t*...), так же точно в аналогичных случаях символизаціи связи гласных фонем с предшествующими им несреднеязычными („твердыми") согласными можем вмѣсто *а̇ у̇ э̇ о̇*..., *ла̇ ба̇ са̇*..., *лу̇ бу̇ су̇*..., *ло̇ бо̇ со̇*..., *лэ̇ бэ̇ сэ̇*... писать просто *а у э о*..., *л|а б|а с|а*..., *л|у б|у с|у*..., *л|о б|о с|о*..., *л|э б|э с|э*...

Графемы ъ и ь асоціируются только с представленіем одного из произносительно-слуховых свойств фонемы, совпадающей в общем с предшествующею этим графемам графемой. Поэтому к графемам ъ ь можно бы вовсе не примѣнять раздѣлительных знаков и обозначать дѣленіе писанных слов, в состав которых входят эти графемы, вот как:

во̇|тъ или *в|о|тъ*, *во̇|дъ* или *в|о|дъ*, *па̇|лъ* или *п|а|лъ*, *лй|лъ*...,

§ *пя̇|ть*, *да̇|ль* или *д|а|ль*, *ко̇|с|ть* или *к|о|с|ть*, *п|ро̇|сь|ба̇* или *п|р|о|сь|б|а*, *ко̇|нь|ка̇* или *к|о|нь|к|а*...

Наконец, так как графемами *ц ж ш ч щ* вполнѣ опредѣляются всѣ произносительно-слуховые элементы асоціируемых с ними фонем (§ 55), то отдѣленіе этих графем от слѣдующих за ними графем гласных должно быть производимо с помощью простой отвѣсной черты между ними:

ц|а|ръ, *ц|ѣ|лы̇|й*, *ц|ы|га̇|нъ* или *ц|ы|г|а|нъ*, *лй|ц|о*...,

ж|а|лъ или *ж|а|лъ*, *ж|у|ч|о|къ* или *ж|у|ч|о|къ*, *ж|е|на̇* или *ж|е|н|а*, *ж|о|нъ* или *ж|о|нъ* или *ж|е|нъ* или *ж|е|нъ*, *но̇ж|о|мъ* или *н|о|ж|о|мъ*, *ж|и|з|нь* или *ж|и|з|нь*...,

§ 93.

ш|а|ръ̍ или *ш|а|ръ*, *ш|у|мѣ|тъ̍* или *ш|у|мѣ|тъ*, *ш|о|лъ̍* или *ш|о|лъ* или *ш|е|лъ̍* или *ш|е|лъ*, *ш|и|ръ̍* или *ш|и|ръ*, *ду́|ш|ь* или *д|у|ш|ь*...,

ч|а|ш|а, *ч|у|е́|тъ̍* или *ч|у|е́|тъ*, *ч|и|с|то́* или *ч|и|с|т|о*, *ч|о|р|ны́|й* или *ч|о|р|н|ы|й* или *ч|е|р|ны́|й* или *ч|е|р|н|ы|й*, *с|вѣ|ч|ь*...,

щ|а|ди́|тъ̍ или *щ|а|ди́|тъ*, *щ|о|т|ка́* или *щ|о|т|к|а* или *щ|е|т|ка́* или *щ|е|т|к|а*, *щ|и|тъ̍* или *щ|и|тъ*, *пи́щ|ь*...

При этом, конечно, над буквою *щ* слѣдовало бы тоже поставить знак дѣлимости, так как графема *щ* асоціируется не с одною фонемой, а с двумя друг за другом слѣдующими: [šč] (*шч*) или [šš] (*шш*). В этом послѣднем случаѣ это скорѣе долгое, обыкновенно среднеязычное („мягкое“), [š] (§ 103). Стало-быть, при полной точности символизаціи на письмѣ фонетической дѣлимости надлежало бы осложнять написанія слов со *щ* слѣдующим образом:

щ̍|а|ди́|тъ, *щ̍|о|т|к|а* или *щ̍|е|т|к|а*, *щ̍|и|т|ъ*, *пи́|щ̍|ь*...

Так как в сочетаніи с предшествующими графемами *ц ж ш ч щ* графемы *ъ ь* лишены асоціаціи произносительно-слухового характера и им приходится играть тогда роль морфологическую и частью семасіологическую, то при дѣленіи писаннаго слова на части, соотвѣтствующія отдѣльным фонемам, эти *ъ* и *ь* слѣдовало бы просто отдѣлять или же зачоркивать, как совершенно лишнія:

у|ли́|ц[ъ или *у|ли́|ц*, *п|а|я́|ц[ъ* или *п|а|я́|ц* ..., *н|о|ж[ъ*, *д|р|о|ж[ь*, *т|ре́|в|о|ж[ь*..., *д|у|ш[ъ*, *м|ы|ш[ь*, *п|о|тѣ|ш[ь*..., *п|л|а|ч[ъ*, *п|л|а|ч[ь*, *с|вѣ|ч[ъ*..., *п|л|а|щ̍[ъ*, *м|о|щ̍[ь*...

При таких словах, как *того*, *кого*, *чего*, *его*, *сего*..., *пустого*, *сухого*, *добраго*, *высокаго*..., не может быть собственно рѣчи о дѣленіи, отражающем сполна всѣ

фонемы соотвѣтствующих произносительно-слуховых слов.

§ 94. Так как всякія морфологическія единицы или морфемы являются собственно сочетаніями извѣстнаго числа морфологизованных и семасіологизованных произносительно-слуховых элементов, то и дѣленіе написаній слов с точки зрѣнія морфологической, дѣленіе или вообще на морфемы, или же только на основы и окончанія, должно сообразоваться с выше изложенным методом. Стало-быть:

вода илп *вод|а (вод-а),*
водѣ, осѣ, козѣ, стѣнѣ...,
поля, воля, коня...,
шея, змѣя, края, моя...,
волѣ, конѣ, гостѣ...,
змѣѣ, шеѣ, краѣ...,

овц|а (овц-а), душ|а (душ-а), меж|а (меж-а), свѣч|а (свѣч-а), пищ|а (пищ-а)...,

нож[ъ или *нож-, дрож[ъ* или *дрож-, кукиш[ъ* или *кукиш-, мыш[ъ* или *мыш-, плач[ъ* или *плач-, ноч[ъ* или *ноч-, плащ[ъ* или *плащ-, мощ[ъ* или *мощ-*...

§ Конечно, всѣ подобнаго рода попытки изображать на письмѣ раздѣленіе и сцѣпленіе живых морфологических частей произносительно-слухового слова являются болѣе или менѣе топорными и далеко не удовлетворительными. Извѣстные простѣйшіе, дальше неразложимые произносительно-слуховые элементы („кинемы“, „акусмы“) морфем частью морфологизованы, частью семасіологизованы. А опредѣлить все это можно только тогда, когда, не стѣсняясь вовсе написаніем, все равно обычным ли написаніем данной письменности, или хотя бы даже тѣм или другим транскрипціонным „научным“ написаніем, мы или опишем аналитически всѣ морфо-

логическія и семасіологическія асоціаціи, свойственныя отдѣльным произносительно-слуховым элементам разбираемых морфем, или же придумаем особый строго аналитическій способ письменной передачи всѣх произносительно-слуховых элементов.

Между прочим вопрос дѣленія склоняемых форм на основы и окончанія далеко не так прост, как может казаться с перваго взгляду. Так напримѣр, выше стоит **§ 95.**

вода́ или *вод|а (вод-а), водѣ...*,

и это значит, что мы здѣсь принимаем окончаніями фонемы [а́] и [е́], основами же считаем весь предшествующій состав слова, т.-е. в *вода* состав [vod-] (с „твердою" конечною согласною фонемою [d]), а в *водѣ* состав [vod'-] (с „мягкою" конечною согласною фонемой [d']). Если однакож отнестись субтильнѣе и вникнуть поглубже в психическое построеніе этих форм, то придется, может быть, считать основою ту часть слова, которая оканчивается, правда, согласною фонемою [d], но не полною, а еще без представленія опредѣленной работы средней части языка, стало-быть, ни „твердою", ни „мягкою". В таком случаѣ представленіе той или другой работы средней части языка отойдет к окончанію и составит вмѣстѣ с гласною фонемою окончанія одну недѣлимую морфему. А если так, то, с морфологической точки зрѣнія, болѣе правильным было бы дѣленіе в написаніи такое:

вод|а (вод-а), вод|ѣ (вод-ѣ).

Став на такую точку зрѣнія, мы должны принять, со стороны написанія и его дѣленія на морфологическія части, три различных типа склоненія:

1) *змѣя́ змѣи́ змѣѣ...; край края́ краѣ...*

2) *душ|а (душ-а) душ|и (душ-и) душ|ѣ (душ-ѣ)*...; *отец отц|а отц|ѣ*...

3) *вод|а (вод-а) вод|ы (вод-ы) вод|ѣ (вод-ѣ)*...; *брат брат|а брат|ѣ*...

Нѣчто подобное найдем тоже и в спряженіи:

1) *поѭ поѐ|ш поѐ|т*...

2) *плач|у (плач-у) плач|е|ш (плач-е-ш) плач|е|т (плач-е-т)*...

3) *нес|у (нес-у) нес|е|ш (нес-е-ш) нес|е|т (нес-е-т)*... и т. д.

§ 96. Попробуем дѣлить писанныя слова на морфемы вообще:

свѣж|ій (свѣж-ій), лебяж|ій..., *лѣш|ій, хорош|ій, нищ|ій, куц|ый*...

вод|а, водиц|а вод|к|а...
молодѐж молодѐж|и молодѐжъ|ю...
моч|и|ть, нос|ить...
муч|и|ш муч|ат, нос|иш нос|ят...
выс|ок|ій, выс|оки выс|окіе...
силь|н|ый, лѣт|ній...
льг|от|а, льг|от|н|ый, лег|к|ій лег|оньк|ій лег|ч|е...
на|гиб|а|ть на|г|ну|ть на|г|нѐ|т...
гн|а|ть гон|ит...
вз|ду|ть вз|ду|ѭ вз|ду|ѐ|т...

Всѣ подобнаго рода дѣленія должны быть не досужими выдумками изслѣдователя, а только должны быть извлечены из объективнаго языкового мышленія индивидов, входящих в состав даннаго племенного или же національнаго колектива. Мы руководствуемся при этом не лингвистическим мышленіем, основанным на исторіи языка и на учоных этимологических выводах сравнительной граматики,

а только читаемъ въ душѣ обыкновеннаго человѣка, опредѣляя свойственныя ей взаимоотношенія между отдѣльными элементами языкового мышленія. В этом сказывается все большая „демократизація“ наших научных пріемов, и вмѣстѣ с тѣм достигается бо̀льшая научность изложенія, коренящаяся в большей согласованности с самим предметом изслѣдованія.

Такія, напримѣр, слова, как

сутки, посуточно, добрый, смотр, свинья, счастье, общій, человѣк, отец, отеческій отцовскій, невѣста, смерть, снабдить снабжать, гнет, говор, медвѣдь, обуть обувать, бесѣда, подушка, обитать, свобода, завтра, стекло, спасибо, нетопырь, ребус, паразит, неврастенія...

иначе разлагаются на морфологическія части в свѣтѣ сравнительнаго изслѣдованія языков, а иначе при простом чтеніи в душах современников.

Но это чтеніе в душах дает не всегда одни и тѣ же результаты. Ему свойственны шаткость и неустойчивость. Не во всѣх индивидуальных головах участников даннаго языкового колектива морфологическая дѣлимость слов представляется одинаково ясною и опредѣленною. Границы между отдѣльными морфемами бывают и болѣе ясны и болѣе туманны. Нѣкоторыя морфемы так ясны, так выпуклы, так рѣзко отдѣляются от других, что при их опредѣленіи никто не ошибется. Зато при опредѣленіи других морфем замѣчаются значительныя индивидуальныя различія. Мало того, даже у одного и того же лица, в зависимости от интенсивности языкового мышленія в данную минуту, проявляется в разное время различная дѣлимость одних и тѣх же, повидимому, слов. § 97.

В виду этого, примѣняя указанныя мною способы графическаго обозначенія морфологической дѣли-

мости слов, мы должны бы пользоваться различными символами. При вполнѣ ясном дѣленіи раздѣлительныя линіи должны бы быть жирны и бить в глаза. Вообще линіи эти и прочіе знаки должны бы быть разных степеней, разной толщины, разной длины и т. п. Слѣдовало бы различать линіи безпрерывныя, полныя и линіи прерываемыя. При обозначеніи туманных и неустойчивых границ между морфемами можно бы пользоваться мелким пунктиром.

Все это однакож пока одни pia desideria, как по техническим соображеніям, так и потому, что до сих пор изслѣдователи языка почти не занимались вопросом разных степеней выразительности морфологических узлов слова.

§ 98. Между прочим различною дѣлимостью надѣлены слова иноязычнаго происхожденія в головах людей с различною подготовкою по части „образованія". Людям, знакомым с одним только русским языком и кромѣ того по части науки вполнѣ невѣжественным, слова в родѣ *скептик, магнетизм, скульптор, скульптура* ... могут казаться морфологически недѣлимыми (за исключеніем впрочем слова *скульптура* ...); в головах же людей „образованных" и освоенных с заимствованными словообразованіями слова эти дѣлятся на морфемы, и эту дѣлимость при обычном написаніи можно символизовать слѣдующим образом:

скептик, магнетизм, скульп|тор, скульп|тур|а...

Затѣм, спрашивается, как раздѣлить морфологически слѣдующія написанныя слова:

того, кого, чего, сего, его, на него...
тѣм, чѣм..., *о том, о нем, о чом* ....
негдѣ, нигдѣ, вездѣ, здѣсь...

тогда, когда, некогда, никогда...
куда, туда ... повсюду...
так, никак..., такой, сякой...
чей чьего чьему ничьим...
кто, что...
неймет неймется..., нейти нейдут, не идем, не идут...

стоит ставить постоянный постоялый...
тереть мереть ..., пороть молоть ...
тебя себя меня..., тобою собою мною..., тебѣ себѣ мнѣ...
сегодня сейчас...
мы вы ты..., нас вас..., твой свой мой...
лѣсник, хлѣбник, печник...,
извощик (извозчик), мущина (мужчина)...
масленица масленая...
пять шесть девять десять ..., семь восемь...

Благодаря разным исторически - фонетическим процесам, давшим, между прочим, сосуществованія таких форм, как **§ 99.**

свѣча | *свѣти-*
вращать | *-врати-*
ношу | *носи-*,

благодаря затѣм существованію таких слов, как

власть, вѣсть, совѣсть ...,
доч, моч и *мощ ...,*

как неопредѣленныя наклоненія (Infinitivi) в родѣ

рости (расти) (рядом с *ростет ..., рост, ростить...), нести, вести, класть, грести, скрести..., идти пойти ...,*

печ, береч, стереч...,

появляется частичное замираніе морфологической дѣлимости слов.

В русском языковом мышленіи имѣются теперь собственно слѣдующія конечныя морфемы слов (окончанія), свойственныя неопредѣленному наклоненію (Infinitivus):

[-t′, -t′í, -st′, st′í, -č (-čí)],

в обыкновенном написаніи

-ть, -ти, -сть, -сти, -ч (-чи)...

Очень сильно пошатнулась тоже морфологическая дѣлимость слов от наличности глагольных форм, оканчивающихся в писанно-зрительном языкѣ на *-тся* и *-ться*, *-чься*, напримѣр: *садится* и *садиться*, *бранится* и *браниться*, *грезится* и *грезиться*, *казнится* и *казниться*, *хвалится и хвалиться*, *дѣлается дѣлаются* и *дѣлаться*, *поется* и *пѣться*, *спится* и *спиться*, *гнется*, *берется берутся* и *браться*, *бережотся* и *беречься*...

Благодаря всѣм этим нарушеніям прежняго морфологическаго равновѣсія, под вліяніем отношеній в родѣ *браниться* | *бранится*, могли появится Infinitivi

поклясться вмѣсто прежняго *поклятъся*,
удасться (может удасться) вмѣсто прежняго *удаться*...

Спрашивается однакож, как дѣлятся морфологически концы глагольных форм с написаніем *-тся -ться -чься* и как обозначать на письмѣ эту их морфологическую дѣлимость. Может быть,

-тся -ться -чься

(*спи|тся, да|е|тся, брани|тся, брани|ться, беречься*...),

показывая этимъ неопредѣленность и шаткость морфологическаго дѣленія въ этихъ конечныхъ частяхъ словъ.

На тщательное и подробное разсмотрѣніе вопросовъ, связаннныхъ съ графическимъ обозначеніемъ морфологической дѣлимости словъ, навело меня „редактированіе“ *Орѳографическаго Словаря А. И. Зачиняева,* состоявшее собственно въ расчлененіи содержащихся въ этомъ словарѣ словъ на ихъ морфологическія части. Такъ какъ невѣрное обозначеніе этой дѣлимости, обусловленное рабскимъ отношеніемъ къ буквамъ (§ 90), можетъ весьма вредно отзываться на языковомъ мышленіи и на граматическомъ образованіи пользующихся словаремъ, то я и считалъ свою задачу задачею первостепенной важности и отнесся къ ней весьма серьезно. Чтобы не ошибиться, я постоянно обдумывалъ каждое слово, и эта работа отняла у меня очень много времени и умственной энергіи. Но я буду весьма радъ, если мой трудъ не останется безплоднымъ и будетъ способствовать насажденію въ головахъ учениковъ правильнаго пониманія языковыхъ элементовъ и ихъ взаимныхъ связей. § 100

Желающихъ ознакомиться съ частностями моего метода отсылаю къ самому *„Орѳографическому Словарю“ А. И. Зачиняева.*

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Примѣрное описаніе нѣкоторых графем русскаго письма или русскаго писанно-зрительнаго языкового мышленія по способу, принятому мною в 3-ем изданіи Словаря Даля.

См. § 61.

§ 101. **Графемы согласных.**

П.

С представленіем русской буквы *п П* сочетается (асоціируется) в умѣ русских грамотников представленіе звука согласнаго губного смычного или сжатаго неносового и глухого, т. е. произносимаго без дрожанія голосовых связок; представленіе же „твердости" (несреднеязычности) или же „мягкости" (среднеязычности, сопутствующаго приближенія средней части языка к твердому небу) опредѣляется представленіем слѣдующей буквы, обозначающей вообще гласный звук или же его отсутствіе: „твердыя" — *па пу по пэ пы пъ*; „мягкія" — *пя пю пе пѣ пи пь*.

Т.

С представленіем буквы *т* асоціировано (сочетается) представленіе согласнаго звука передне-язычнаго сжатаго или смычнаго и вмѣстѣ с тѣм взрыв-

ного, глухого. Соотвѣтствующій ему звонкій — *д;* соотвѣтствующій спирант того же органа — *с;* соотвѣтствующій задне-язычный — *к.*

К.

С представленіем буквы *к* сочетается или асоціируется представленіе звука согласнаго, произносимаго через прижатіе задней части языка к тому или другому мѣсту твердаго или даже мягкаго неба и затѣм через внезапное раскрытіе или взрыв, при чом носовыя полости закрыты мягким небом, а голосовыя связки гортани не производят никакого музыкальнаго дрожанія. Прижатіе к мягкому небу дает глубокое [k] языков тюркских, кавказских и др. Русскому произношенію чуждо приближеніе задней части языка к мягкому небу. Главное же мѣсто сближенія — граница твердаго и мягкаго неба, на твердом небѣ. Впрочем, хотя „твердое" [k] представляется всегда одинаковым, оно все таки в исполненіи разнообразится, прежде всего в зависимости от предшествующих ему звуков: одно [k] послѣ [a], другое послѣ [u], опять другое послѣ [e], еще другое послѣ [i] и послѣ согласных „мягких". „Мягкое" или палатальное, т. е. средне-язычное [k] является и в представленіи, с психической стороны, звуком отдѣльным от [k] „твердаго": к представленію сжатія или смычки между заднею частью языка и небом пресоединяется здѣсь представленіе звукоизмѣняющаго приближенія средней части языка к небу. Само собою разумѣется, что и главное мѣсто сжатія или смычки между заднею частью языка и твердым небом будет в этом случаѣ еще болѣе впереди, нежели при [k] в сочетаніи с предшествующим [i] или же с предшествующими „мягкими" согласными.

В русской письменности представленіе „мягкаго" или среднеязычнаго [k] асоціировано с представле-

ніем сочетанія букв *къ* или же *кя, кѣ, ке, кё, кю,* гдѣ слѣдующею за *к* гласною буквою соозначается тоже именно эта „мягкость“ или среднеязычность предшествующей согласной фонемы.

Глухому [k], т. е. смычной или сжатой и вмѣстѣ с тѣм взрывной заднеязычной согласной фонемѣ, произносимой без дрожанія или вибраціи голосовых связок гортани, соотвѣтствует звонкое [g], т. е. фонема согласная тоже сжатая или смычная со звуковидоизмѣняющим дрожаніем или вибраціей голосовых связок. Смычному же или сжатому глухому [k] соотвѣтствует щелинное или придувное (спирантное), тоже глухое [x].

§ 102. **Ф.**

С представленіем буквы *ф* асоціируется (сочетается) представленіе согласнаго звука губного или зубно-губного спирантнаго (щелиннаго, проточнаго, придувного) глухого. Соотвѣтствующій ему звонкій — *в;* соотвѣтствующій смычно-взрывной — *п.* Как при всѣх вообще русских буквах согласных, кромѣ *ц, ч, ж, ш, щ,* „твердость“ или „мягкость“ этого согласнаго опредѣляется асоціаціей с представленіями слѣдующих за ним букв гласных или же их замѣстителей (сурогатов): с одной стороны *ы, а, э, о, у, ъ,* с другой же — *и, і, я, е, ѣ, ю, ь.*

§ **Ѳ.**

Буква *ѳ* есть приблизительно такой же двойник буквы *ф*, как буква *ѣ* двойник буквы *е*. Но различіе букв *е* и *ѣ* является пережитком прежняго различія соотвѣтствующих этим буквам гласных фонем (звуков) в исконно-славянских словах, тогда как различіе букв *ѳ* и *ф* объясняется желаніем воспроизводить различіе написанія греческих слов, различіе,

связанное в самом греческом языкѣ с различіем произношенія соотвѣтствующих гласных фонем (звуков). В русском произношеніи нѣт ни малѣйшаго различія между *ф* и *ѳ*. Все сказанное о буквѣ *ф* относится тоже к буквѣ *ѳ*.

С.

Представленіе буквы *с* вызывает представленіе согласнаго звука переднеязычнаго щелиннаго (проточнаго или спиранта), плоскаго и продольнаго образованія („свистящаго“), глухого, [s]. Соотвѣтствующій ему звонкій—[z] (*з*); соотвѣтствующій „шипящій“—[š] (*ш*); соотвѣтствующій заднеязычный — [x] (*х*); соотвѣтствующій губной — [f] (*ф*); соотвѣтствующій смычный того же органа, т.-е. переднеязычный — [t] (*т*). Как значительное большинство русских согласных, так и фонема [s] является в двух разновидностях: „твердой“ (непалатальной, несреднеязычной) и „мягкой“ (палатальной, среднеязычной). Эти разновидности обозначаются на письмѣ не самою буквою согласной, а сочетаніем со слѣдующими буквами: с одной стороны *сы су са со сэ съ*, с другой же *си сю ся се сѣ сь*. В иных случаях „мягкость“ или „твердость“ [s: s|ś] опредѣляется сочетаніем со слѣдующими „мягкими“ или „твердыми“ согласными; ср., напримѣр., *кость* рядом с *косточка* и т. п.

Х.

С представленіем буквы *х* сочетается (асоціируется) представленіе согласнаго звука глухого неносового заднеязычнаго щелиннаго (придувного, спиранта). Соотвѣтствующим звонким является согласный, обозначаемый буквою *г* в словах *Господь, бога, благо* и т. п. и во всѣх словах по южному

произношенію. Соотвѣтствующій сжатый и взрывной — *к;* соотвѣтствующіе переднеязычные — *ш* и *с;* соотвѣтствующій губной — *ф*. В извѣстных сочетаніях этот звук обозначается буквами *к* (*кто* и т. п.) и *г* (*легкій, мягкій* и т. п.). Исторически самостоятельная фонема [x] или встрѣчается в заимствованных словах, или же восходит к древней аріоевропейской или индоевропейской фонемѣ [s].

Ш.

С представленіем буквы *ш* асоціируется представленіе согласнаго звука щелиннаго (проточнаго, придувного, спиранта), глухого в отличіе от звонкаго *ж*, по акустическому впечатлѣнію „шипящаго" в отличіе от „свистящаго" *с*. Вмѣстѣ с *ц, ж, ч,* (*щ*) этот звук принадлежит к непарным с точки зрѣнія различія „мягкости" и „твердости" (§ 55).

Ц.

Представленіе буквы *ц* вызывает представленіе согласнаго дифтонга (сокращоннаго *тс* [ts]) переднеязычнаго глухого. Этот дифтонг принадлежит к немногочисленным согласным, являющимся непарными со стороны различія между „мягкостью" и „твердостью", каковы, кромѣ *ц* [c], тоже *ш* [š], *ж* [ž], *ч* [č], *щ* (т.-е. *шч* [šč] или *шш* [šš]): он, в произношеніи одного и того же лица, или всегда „тверд", т.-е. произносится без приближенія средней части языка к твердому небу, или же, гораздо рѣже, в нѣкоторых говорах и у нѣкоторых лиц, всегда „мягок", т.-е. произносится с приближеніем средней части языка к твердому небу. Поэтому написанія *ци* и *цы*, *цѣ* (*це*) и *цэ* и т. п. произносятся совершенно одинаково (§ 44).

С представленіем буквы *ч* асоціируется представленіе согласнаго дифтонга, состоящаго из сокращоннаго своеобразнаго *т* [ṫ] и из „мягкаго“ *ш* [š]. Этому „шипящему“ дифтонгу *ч* [č] соотвѣтствует „свистящій“ *ц* [c], отличающійся от него, кромѣ нѣсколько другого мѣста прижатія и приближенія языка к твердому небу и верхним деснам, еще тѣм, что он является обыкновенно „твердым“, тогда как [č] — „мягкій“. Впрочем есть великорусскіе говоры не только с „твердыми“ [c, š, ž], но тоже с „твердым“ [č]; точно также как, наоборот, имѣются говоры, с одной стороны, с „мягкими“ [š, ž], с другой же стороны, с „мягким“ [c]. Во всяком случаѣ [č] принадлежит к согласным русскаго языка непарным с точки зрѣнія разницы между „мягкостью“ и „твердостью“, т.-е. „палатальностью“ и „непалатальностью“, точнѣе, между среднеязычностью и несреднеязычностью. Эти согласныя, [c, ž, š, č] (*ц ж ш ч щ*), бывают или только „мягкія“, или же только „твердыя“. (К этим согласным относится тоже [j], обозначаемое или через *й*, послѣ гласных, или же, в началѣ слогов и перед гласными, через *я, ю, ѣ, е, ё, и, і*). Поэтому к сочетаніям этих согласных со слѣдующими за ними гласными непримѣним принцип русской графики, которому мы обязаны противопоставленіем букв *у—ю, а—я, э—е, э—ѣ, о—е* (*ё*), *ы—и* (*і*), *ъ—ь*.

Буквами *ц, ш, ж, ч,* (*щ*) обозначаются сполна всѣ обозначаемыя свойства соотвѣтствующих согласных, до „мягкости“ или „твердости“ включительно. Поэтому для произношенія совершенно все равно, написать ли *чэ* или *чѣ* или *че, ча* или *чя, чу* или *чю, чо* или *че* (*чё*), *чы* или *чи, чъ* или *чь*, точно так же как *шы* или *ши, жы* или *жи, цы* или *ци, цэ* или *це*

и т. п. Благодаря этой особенности, в случаях произношенія гласнаго [o] в сочетаніи с предшествующими ему согласными [c, ž, š, č] (*ц, ж, ш, ч, щ*), слѣдует считать болѣе подходящим к общим графическим привычкам русских написаніе *цо, шо, жо, чо, що*, нежели *це, ше, же, че, ще*: *лицо, шолъ, шорстный, жоны, ножомъ, чортъ, чорный, чорствый, почомъ, ещо* и т. п. (§ 44).

В концѣ слов примѣняется послѣ букв *ж, ш, ч, щ* написаніе знаков *ъ* или *ь* не для различенія произношенія (различенія совершенно невозможнаго), а только для опредѣленія различных форм и флексійных типов (типов склоненія и спряженія): *пишешь, стеречь*; *мышь, дрожь, ночь, мощь* и т. п., но *барышъ, ножъ, плачъ, плащъ, Петровичъ* и т. д. (§§ 57, 73, 108).

Соотвѣтствующій глухому дифтонгу [č] (*ч*) звонкій дифтонг [ǯ] (*дж*) („мягкій") встрѣчается в русском только в сочетаніи с предшествующим „мягким" же [ž] (*ж*): *поѣзжай, ѣзжу, можжевельникъ, дрожжи, визжитъ* и т. п. Этому звонкому сочетанію „мягкаго" согласнаго [ž] (*ж*) с дифтонгом [ǯ] (*дж*) соотвѣтствует глухое сочетаніе „мягкаго" [š] (*ш*) с дифтонгом [č] (*ч*), обозначаемое или буквою *щ*, или же сочетаніем букв *сч, зч*: *щи, щавель, пища, счастье, извозчикъ* или *извощикъ* и т. п.

Щ.

Благодаря смѣшенію понятій вобще, а смѣшенію представленій букв с представленіями звуков в частности, звук, соотвѣтствующій зрительной единицѣ *щ*, считается такою же простою произносительною единицей, как звуки, соотвѣтствующіе буквам *т, с, ш, ж, ц, ч* и т. п. (относительно согласных дифтонгов, обозначаемых буквами *ц, ч*, см. под *Ц, Ч*, §§ 102,103). Между тѣм буква *щ* это такой же сократительный знак, как латинское *x*, греческія ξ, ψ. Истори-

чески он развился из соединенія двух церковнославянских, кирилловских букв, ш и т, и обозначал свойственное церковнославянскому и болгарскому произношенію *шт*, [št]. Заимствовав этот сократительный знак, русскіе сочетали (асоціировали) с его представленіем представленіе того произносительнаго, которое имѣется в их исконных словах в родѣ *ищу (ишчу)*, *пущу (пушчу)*, *прощать (прошчать)*, *щемить (шчемить)* и т. п., гдѣ это [šč] чередуется (альтернирует) или со [sk] или же со [st'i] других родственных слов: *искать*, *пустить*, *простить*, *оскомина* и т. д. Эта зрительно-произносительная (оптически-акустическая) асоціація распространилась затѣм и на случаи, когда это [šč] (*щ*) вошло в русскій язык вмѣстѣ с содержавшими его словами, заимствованными из церковно-славянской письменности, в родѣ *пища*, *освѣщать*, *вращать* и т. п. Этому [šč] (*щ*) в исконно-русских словах соотвѣтствует [č] (*ч*): *свѣча*, *ворочать* и т. п. Соотвѣтствующее этому глухому болгарско-церковнославянскому сочетанію согласных [št] (*шт*), замѣненному в русском через [šč] (*шч*), звонкое сочетаніе [žd] (*жд*) осталось таким же и послѣ перехода в русскій язык, прежде всего потому, что для этой групы согласных в церковно-славянском письмѣ нѣт сократительнаго знака в родѣ щ (*щ*). Таким образом мы имѣем *между*, *рождать*, *угождать*, *наслаждаться* и т. п., а не *междджу*, *рожджать*, *угожджать*, *наслажджаться* и т. д., или же *межжу*, *рожжать*, *угожжать*, *наслажжаться* и т. д. (ср. § 39).

Русским свойственно двоякое произношеніе буквы *щ*, т.-е. они распадаются в этом отношеніи на двѣ діалектическія группы: одним свойственно произношеніе [šč] (гдѣ [š] так же „мягко“, „палатально“, средне-язычно, как и слѣдующее [č]), другим же — произношеніе „мягкаго“ [šš], т.-е. двойного, точнѣе

долгаго, „мягкаго“ [š] (§ 93). Сообразно с этим имѣется тоже двоякое произношеніе звукового сочетанія, обозначаемаго через *жж* или *зж*: *ѣзжу*, *дрожжи* и т. п. Здѣсь произносится или „мягкое“ сочетаніе [žš], или же „мягкій“ удвоенный, т.-е. долгій, согласный [ž (žž)].

§ 104. **Р.**

С графическим представленіем русской буквы *р* сочетается (асоціируется) всегда представленіе передне-язычнаго, концом языка производимаго, дрожащаго согласнаго звука. Нѣкоторые русскіе не в состояніи его воспроизводить и замѣняют его болѣе или менѣе сходной работой задней части языка или же язычка (конца мягкаго неба). Согласная фонема [r] вмѣстѣ с [l] причисляется к особому разряду „плавных согласных“ (liquidae). Одною только графемою *р* не опредѣляются всѣ свойства соотвѣтствующей согласной фонемы; ея „твердость“ или же „мягкость“ соозначается слѣдующею графемою, на подобіе того, как и при остальных согласных, за исключеніем *ц ж ш ч щ*, [j]: с одной стороны, *ра ро рэ ру ры ръ*, с другой же — *ря ре рѣ рю ри рь*.

М.

Представленіе буквы (графема) *м* асоціируется с представленіем звука согласнаго (с фонемою согласною), т.-е., по своему произношенію, локализованнаго в полости рта, затѣм, губного и носового, т.-е. мыслимаго и исполняемаго с опущеніем мягкаго неба и пропуском в нос текущаго из легких воздуха. Со стороны дѣйствія голосовых связок гортани, звук этот представляется всегда звонким, но в исполненіи может быть и глухим: *драхм*, *жандарм* и т. п. (§ 76). По сжатію губ звук этот слабѣе неносового звонкаго [b], который с своей стороны сла-

бѣе глухого неносового [p̊]. Наконец, как при всѣх русских согласных, кромѣ [j] (*й, я, ю, е, ѣ, ё*), [š] [ž] [č] [c], так и при [m] надо отмѣтить двѣ самостоятельно представляемыя разновидности, сообразно со способом дѣйствія средней части языка по отношенію к твердому небу: представленіе удаленія средней части языка от неба асоціировано с представленіем несреднеязычности или „твердости", обозначаемой с помощью знаков гласных *а, о, э, у, ы*, или же с помощью знака *ъ*: *мама, мотъ, мэрси, мука, мысль, дамъ*...; представленіе же приближенія средней части языка к небу асоціировано с представленіем среднеязычности или „мягкости", обозначаемой слѣдующими за буквою *м* буквами *я, е, ѣ, ю, и, ь*: *мягкій, месть, мѣра, мюриды, милъ, восемь* ...

Н.

К этой графемѣ (буквѣ) и к соотвѣтствующим ей фонемам (звукам) относится все то, что сказано о графемѣ *м* и о соотвѣтствующих ей фонемах, с тою только оговоркою, что локализація произношенія при *м* в губах, прежде всего в нижней губѣ, при *н* же — в передней части языка, прижимающейся или к верхним деснам, или же вообще к передней части твердаго неба. Различіе психически существующей, т.-е. мыслимой и исполняемой, „твердости" и „мягкости" соотвѣтствующих согласных опредѣляется в русской графикѣ начертаніями слѣдующих за *н* букв: с одной стороны *на ну но нэ ны нъ*, с другой же — *ня ню не нѣ ни нь*. „Глухое" „мягкое" [ń̥] (хотя и мыслимое звонким) исполняется, например, в *пѣснь*.

---

§ 105. **Графемы гласных.**

У.

С представленіем буквы *у* асоціируется, во первых, представленіе акустическаго впечатлѣнія от гласнаго звука, произносимаго при крайнем сближеніи губ, видоизмѣняющем полость рта, как резонатор или надставую трубу для производства гласных, во вторых же, представленіе „твердости" предшествующаго согласнаго. Представленіе точно такого же гласнаго, но в сочетаніи с представленіем „мягкости" предшествующаго согласнаго, асоціируется с представленіем буквы *ю*. Гласный звук [u] (*у*) является в общерусском произношеніи единственным гласным, возможным на всѣх степенях или уровнях по отношенію к ударяемому слогу даннаго фонетическаго или произносимаго слова: *мужъ, мужья́, муженёкъ, за́-мужъ; лю́битъ, любо́въ, любова́ться, не́любъ*...

Ю.

С графемою *ю* или с представленіем буквы *ю* асоціируются представленія тѣх же акустических или слуховых впечатлѣній и тѣх же фонаціонных или произносительных работ, что и с представленіем буквы *у* (с графемою *у*), с тѣм только различіем, что графемою *ю* возбуждается гласная фонема [u] или представленіе гласнаго звука [u] вмѣстѣ с представленіем приближенія средней части языка к небу в произносительный момент, непосредственно предшествующій произнесенію этого гласнаго звука, тогда как графема *у* возбуждает представленіе отсутствія подобнаго сближенія, т.-е. представленіе удаленія средней части языка от твердаго неба. Представленіе приближенія средней части языка к небу означает: 1) в случаѣ присутствія перед

гласным [u] какого-либо согласнаго, „мягкость“ или „небность“ (палатальность) этого согласнаго звука; 2) в случаѣ же отсутствія особаго согласнаго, самодовлѣющую согласную (консовантную) среднеязычность, т.-е. согласный звук [j] (§§ 43, 47).

Я, А.

С точки зрѣнія асоціаціи между фонетически-акустическими или произносительно-слуховыми представленіями русскаго языка и графически-оптическими или письменно-зрительными представленіями русскаго письма, графема или представленіе буквы *я* так относится к графемѣ или представленію буквы *а,* как графема *ю* к графемѣ *у.* Нѣсколько сложнѣе отношенія: графем *е* или *ѣ* к графемѣ *э,* графем *е* и отчасти *ѣ* к графемѣ *о,* графем *и* или *і* к графемѣ *ы* и даже графемы *ъ* к графемѣ *ъ.*

С представленіем буквы *я* асоціируется представленіе предшествующаго ей звукопроизводнаго или же звуковидоизмѣняющаго приближенія средней части языка к небу; представленіе же буквы *а* указывает на отсутствіе подобнаго приближенія средней части языка к небу. Приближеніе средней части языка к небу, присоединяющееся к другим произносительным работам полости рта, необходимым для производства звука согласнаго, дает впечатлѣніе „мягкости“, отсутствіе такого приближенія — впечатлѣніе „твердости“; напр., *пя, дя, ся, ля...,* в отличіе от *па, да, са, ла...* Обособленным произносительным приближеніем средней части языка к небу, в сочетаніи с представленіем неслогового или согласнаго звука, обусловливается „согласный“ [j] *(й),* т.-е. в этом случаѣ представленіе буквы *я* асоціируется с представленіем двух фонем или представленій звуков, [ja] *(йа)*; напр., *я, яма, ясно, языкъ...,*

моя, неясно, поясъ, въявѣ, съябедничать..., въ отличіе отъ *а, армякъ, алтынъ, поалѣть, съарканить*... Что же касается вызываемыхъ графемами (представленіями буквъ) *а* и *я* гласныхъ фонемъ (представленій гласныхъ звуковъ), то обѣимъ этимъ графемамъ свойственны одинаковыя ассоціаціи: при полной опредѣленности произношенія и, стало-быть, языкового мышленія въ области произношенія, т.-е. при ударяемости даннаго слога, графемы *а* и *я* асоціируются съ опредѣленною фонемою [а], съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ въ зависимости отъ слѣдующихъ согласныхъ (напр., съ одной стороны, *á, онá, велá*..., *пáлъ, тáкъ, бáба, стáрые*..., *дáть, бáбѣ, бáня, стáли*..., съ другой же стороны, *я́, я́рый, меня́*..., *взя́лъ, изся́къ, пя́тый, тя́пать*..., *взя́ть, ня́нѣ, стоя́ли*...) (ср. § 39).

При неударяемости даннаго слога, буквами *а* и *я* „обозначаются": или — на среднемъ уровнѣ выразительности гласныхъ — ослабленный гласный звукъ [å] (въ „акающихъ" говорахъ и въ литературномъ русскомъ языкѣ такой же ослабленный гласный [а] „обозначается" тоже буквою *о*) (напр., *такóй, разúть*..., *рыба, бúла*..., *сякóй, вязáть, пятáкъ*..., *дыня, мúля*...), или же — на низшемъ уровнѣ выразительности гласныхъ — гласный крайняго ослабленія, гласный, лишонный индивидуальности и опредѣляемый сочетаніемъ съ предшествующими и даже слѣдующими согласными. При предшествующемъ „твердомъ" согласномъ (асоціація съ графемою *а*) это будетъ ослабленный гласный [у] (*ы*) (*таковó, паровúкъ, самохóдъ*..., *пáдаль, вы́палъ, пáдали*...), при предшествующемъ же „мягкомъ" согласномъ (асоціація съ графемою *я*) это будетъ ослабленный гласный [і] (*и*) (*пятачóкъ, мясоѣ́дъ*..., *вы́пятить, зáяцъ, пóясъ*...). Такому же крайнему ослабленію и фонетическому обезличенію подвержены тоже всѣ остальные гласные русскаго языка, за исключеніемъ гласнаго [u] (*у*).

§ 105.

В таких случаях представленіе той или другой буквы, — с одной стороны *а*, *о*, *э*, *ы*, с другой же стороны *я*, *е*, *ѣ*, *и*,—и затѣм ея употребленіе (написаніе и восприниманіе) обусловливается асоціацией со словами, в которых в состав родственной морфемы (знаменательной, морфологически и семасіологически недѣлимой части слова) входит вполнѣ опредѣленный гласный: *нападáть*, *падéжъ*, *вы́пасть*, *вы́пали*..., ибо *пáсть*, *пáдать*...; *годá*, *годовóй*, *пóлгода*..., ибо *гóдъ*, *гóда*; *выставля́ть*, *выдвигáть*..., ибо *вы́ставить*, *вы́двинуть*; *домовóй* ..., ибо *дóмъ*; *дымовóй*..., ибо *ды́мъ*; *пятáкъ*, *пятачóкъ*..., ибо *пя́ть*, *пя́тый*; *мясопýстъ*..., ибо *мя́со*; *весели́ться*..., ибо *вéселъ*; *бѣлóкъ*, *бѣлизнá*..., ибо *бѣ́лый*, *бѣ́ль*; *пищевóдъ*..., ибо *пи́ща*; *синевáтый*..., ибо *си́ний*...

На низшем уровнѣ произношенія имѣются тоже глухіе, безголосые гласные (слабое глухое [у] (*ы*) или слабое глухое [і] (*и*)). Таковы, например, гласные первых слогов в словах *патери́къ*, *таковóй*..., *пяточóкъ*...; гласные вторых слогов в словах *кáпать*, *вы́кати*..., *вы́пяти*... Наконец, в сочетаніи с *р*, *л*, *м*, *н*, на низшем уровнѣ выразительности, буквам *а* и *я* могут соотвѣтствовать произносительные нули, т.-е. отсутствіе всякаго особаго гласнаго (ср. *О*, § 106).

В сочетаніи с буквами *ц*, *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, буквы *а* и *я* не могут указывать на „твердость“ или „мягкость“ предшествующаго согласнаго, так как согласные, соотвѣтствующіе буквам *ц*, *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, являются непарными в этом отношеніи, т.-е. они бывают или только „твердыми“ или же только „мягкими“. Впрочем написанія *ця* (и даже *шя*, *жя*...), точно так же как *цю*, *шю*, *жю*, при передачѣ иноязычных слов, собственных имен и т. п., вызывают представленіе особой „мягкости“ или среднеязычности (палатальности, небности) согласных.

Буква *я* не сочетается с буквами *к*, *г*, *х* в исконно-

-русских словах только благодаря исторической случайности. С произносительной точки зрѣнія написанія *кя*, *гя*, *хя*, рядом с *ка*, *га*, *ха*, вполнѣ возможны. Ср. хотябы *Кяхта*, *гяуръ*...

§ 106. **О.**

В общерусском „литературном“ произношеніи с представленіем буквы *о* асоціируется во всѣх случаях ея примѣненія представленіе особаго слога, да кромѣ того необозначенія среднеязычности или „мягкости“ предшествующей согласной фонемы. Остальныя же графически-фонетическія или письменно-произносительныя асоціаціонныя связи обусловливаются отношеніем даннаго слога к акцентовкѣ или ударяемости цѣлаго фонетическаго слова. В главном по ударенію мѣстѣ, т.-е. в слогѣ ударенном, присоединяется асоціація с представленіем полной гласной фонемы, произносимой со средним губным суженіем и с сопутствующею ему работою задней части языка той же степени суженія, [o]. При частном ослабленіи фонетической индивидуальности, напр., в слогѣ перед ударяемым, губное суженіе невозможно и замѣнено менѣе энергичным суженіем заднеязычным, [å]. Наконец, в мѣстах произношенія, обусловливающих крайнее обезличеніе гласной фонемы, нѣт никакой опредѣленной гласной, а имѣется так называемая „неопредѣленная“ гласная, зависящая в своем исполненіи от предшествующей согласной (смахивает на слабое *ы* [im]), или же, при входящих в состав слога согласных носовых [m, n] или же „плавных“ [l, r], могущих сами по себѣ образовать слог (слогообразующія m, n, l, r), даже полное отсутствіе особой гласной фонемы (напр., *на́ корму*, *вы́ползти*, *го́монъ*, *до́момъ*, *за́домъ* ...). Между двумя глухими согласными

„неопредѣленная“ гласная, обозначаемая буквою *о* (асоціируемая с графемою *о*), — точно так же как и другими буквами, кромѣ букв *у*, *ю*, — произносится глухо, без дрожанія голосовых связок гортани (*кóпоть*, *нúтокъ*, *копошúться*, *потолóкъ*...). Пишется же буква *о* во всѣх этих случаях или на основаніи нынѣшняго этимологическаго родства со случаями, в которых имѣется вполнѣ опредѣленная, ударяемая гласная фонема [ó] (*годá*, *годáмъ*, *годовóй*, *пóлгода*..., потому что *гóдъ*, *гóда*...), или же по письменному преданію, „исторически“. Гдѣ эта связь забыта, там буква *о* может замѣняться другими, напр., *калачъ* вмѣсто *колачъ*, *полымя* вмѣсто *поломя*... (ср. *Я*, *А*, § 105).

Э.

В отличіе от представленій букв *е* и *ѣ*, асоціируемых с представленіем приближенія средней части языка к небу в момент, предшествующій произнесенію соотвѣтствующих им гласных, представленіе буквы *э*, „*е оборотное*“, асоціируется с представленіем удаленія языка от неба, т.-е. или с представленіем простого гласнаго [е], начинающаго слово или слог, или же с представленіем „твердости“ предшествующаго согласнаго. Затѣм, представленію буквы *э* чужда асоціація с представленіем гласнаго [о], возможная не только при буквѣ *е* (*ёлка*, *вёлъ*, *несётъ* ...), но и при буквѣ *ѣ* (*сѣдла*, *звѣзды*, *цвѣлъ* ...) (§ 42).

Ѣ.

Различіе букв *е* и *ѣ* является графическим пережитком того времени, когда соотвѣтствующія им произносительныя представленія дѣйствительно различались, на подобіе того, как различались *о* и *а*,

ы и *у* и т. п. Теперь же нельзя указать ни одной графически-фонетической асоціаціи, свойственной исключительно графемѣ *ѣ*, в отличіе от *е*. Даже случаи асоціаціи с произношеніем гласнаго [o] в соединеніи с мягкостью предшествующаго согласнаго свойственны и буквѣ *ѣ* (*гнѣзда, звѣзды, сѣдла, цвѣлъ, пріобрѣлъ* ...). Отдѣльные виды асоціацій представленій этих букв с представленіями произносительными отличаются только численностью: одних случаев больше при *ѣ*, других при *е*. — С исторической точки зрѣнія употребленіе этих двух букв перепутано: вмѣсто древняго и обоснованнаго *ѣ* пишут *е* и наоборот. Поэтому можно сказать, что различеніе этих букв, причиняющее столько горя изучающим русскую грамоту, держится единственно преданіем, но никакими другими соображеніями не может быть оправдано. — В иных случаях различеніе *ѣ* и *е* поддерживается асоціаціей с представленіем морфологических различій; напр., *море, поле*... рядом с *морѣ, полѣ*... (§§ 50, 87).

§ 107. Ы.

Букву *ы* слѣдует противопоставить буквам *и* и *і*. Всѣ онѣ асоціируются с представленіем гласных крайняго язычно-небнаго суженія. Но с представленіем буквы *и* (в рѣдких случаях *і*) асоціируется представленіе приближенія средней части языка к небу перед моментом произношенія гласнаго, представленіе котораго асоціируется главным образом с представленіем этих букв („мягкіе“ согласные: *си, сі, би, бі*...; или же сочетаніе [ji]); с представленіем же буквы *ы* асоціируется представленіе удаленія средней части языка от неба в момент произношенія предшествующаго согласнаго (*сы, бы, ны*...). В самом произношеніи этим различным про-

изношенiем согласных обусловливается мѣсто приближенія языка к небу при произношеніи гласных, обозначаемых через *ы* или *и* (*i*): за „твердым“ согласным слѣдует гласное суженіе болѣе позади; за „мягким“ согласным — гласное суженіе болѣе спереди. В этом вся суть различенія в русском произношеніи двух гласных [у] (*ы*) и [i] (*и*), сводящихся психически к одному общему представленію. Доказательством этому служат риѳмы: *забыть, покрыть* — *любить, носить*; *корыто* — *разбито* и т. п. Никакого различенія самостоятельных, независимых гласных *ы* и *и* в настоящее время в русском языкѣ не имѣется (§§ 44, 47).

И.

Представленіе этой буквы сочетается или асоціируется с представленіем гласной [i], при ударяемости полной, при неударяемости же ослабленной, да кромѣ того или чистой (т.-е. с одним только общим представленіем среднеязычнаго сближенія у начала произношенія этой фонемы, см. § 44), или в сочетаніи с [j], т.-е. [ji], или же наконец в сочетаніи с „мягкостью“ предшествующей согласной: *ни, би, ти, си, ки*... В написаніях *жи ши чи щи ци* графема *и* лишена этого послѣдняго свойства, так как буквы *ж ш ч щ ц* обозначают сполна всѣ свойства изображаемых ими согласных или же, при *щ*, сочетанія согласных, [šč], и поэтому все равно, написать ли *жи ши чи щи ци*, или же *жы шы чы щы цы*. В трех сочетаніях, *жи, ши, ци*, буква *и* может обозначать просто звук [у] (*ы*) (§§ 44, 45).

---

§ 108. Графемы Ъ, Ь.

Ъ, Ь.

С точки зрѣнія связи с произносительными представленіями, представленія букв *ъ* и *ь* должны быть разсматриваемы совмѣстно.

Как с представленіем *ъ*, так и с представленіем *ь* асоціируется (сочетается) прежде всего представленіе отдѣльнаго произношенія как того, что вызывается представленіем букв, стоящих перед *ъ* или *ь*, так и того, что вызывается представленіем букв, стоящих послѣ *ъ* или *ь*. Чтобы понять это, достаточно сопоставить: *сума — съума, судитъ — съузитъ, сѣлъ — съѣлъ, сёмга — съёмка...; сякнетъ — съякшать, вѣха — въѣхалъ...; бёдра — бьётъ, бюстъ — бьютъ, судя — судья, судѣ — судьѣ...*

Затѣм, различіе между представленіями этих двух букв сводится к различію асоціаціи с произносительными работами, производимыми среднею частью языка, и с акустическими впечатлѣніями, зависящими от этих работ. Как с представленіями букв *я, ю, е, ѣ, и, і*, так же точно с представленіем буквы *ь* асоціируется представленіе звукопроизводнаго приближенія средней части языка к небу и вызываемаго этим приближеніем акустическаго впечатлѣнія. Если непосредственно перед всѣми этими буквами (*я, ю, е, ѣ, и, і, ь*) изображаются буквы согласных, получится впечатлѣніе „мягкости“ этих согласных: *ся, сю, се, сѣ, си, сі, сь...* Если же буквы *я, е, ѣ, ю, и* или начинают написанное слово (*яма, есть, ѣстъ, югъ...*) или слог (*шея, даю, даетъ, стоитъ...*), или же если онѣ отдѣлены от букв согласных буквами *ъ* или *ь*, то с их представленіем асоціируется представленіе сочетаній двух отдѣльных звуков: [*ja, je, jo, ju, ji* (или про-

сто *і*)]. С представленіем же буквы *ъ* асоціируется то же, что с представленіем букв *а*, *э*, *о*, *у*, *ы*, т.-е. удаленіе средней части языка от неба: как в момент произношенія предшествующих согласных, если таковые согласные предшествуют данным гласным (*са*, *сэ*, *со*, *су*, *сы*, *съ*...), так и при полном отсутствіи перед данными гласными какого бы то ни было согласнаго (*а*, *э*, *о*, *у*, *ы*...).

Как буква *ъ*, так и буква *ь* отличаются от всѣх прочих букв, указывающих или на приближеніе средней части языка к небу, или же на удаленіе средней части языка от неба, тѣм, что кромѣ этого свойства онѣ не асоціированы ни с какою особою произносительною работой, дающей в результатѣ впечатлѣніе гласнаго звука. Онѣ с этой точки зрѣнія асоціируются с представленіем звукового нуля. Поэтому-то, если возможны графическія сочетанія *ъо*, *ъа*, *ъу*..., *ъе*, *ъѣ*, *ъю*, *ъя*..., *ья*, *ью*, *ьѣ*, *ье*..., о графических сочетаніях *ъъ*, *ъь*, *ьъ*, *ьь* рѣчи быть не может (§§ 46, 57).

Графически-фонетическая (произносительно-зрительная) асоціація представленій букв *ъ* и *ь* с представленіем „твердости" или „мягкости" (*ъ* — „знак твердости", *ь* — „знак мягкости") предшествующих согласных может относиться только к согласным, парным в этом отношеніи; не может же она примѣняться к согласным непарным, т.-е. к согласным, являющимся всегда или только „твердыми", или же только „мягкими". Всѣ обозначаемыя свойства таких согласных исчерпываются сполна представленіями букв, употребляемых для их обозначенія. Таковы: *ц*, *ж*, *ш*, *ч*, *щ* (*шч*). В сочетаніи с этими буквами буквам *ъ* и *ь* свойственны асоціаціи из области морфологіи (строя языка) и семасіологіи (значенія форм и слов). Сюда относится между прочим различеніе написаній *ножъ*, *грабежъ*, *ковшъ*, *ку-*

кишъ, *плачъ*, *куличъ*, *плащъ*..., но *дрожь*, *мышь*, *вошь*, *ночь*, *дочь*, *мощь* и т. п. Написаніе *шь*, а не *шъ*, во 2-м лицѣ ед. ч. (*даешь*, *ходишь*...) опредѣляется тоже морфологически и семасіологически и обосновывается прошлым языка. Точно так же написанія *шьетъ* (а не *шъетъ*)..., *ружьемъ* (а не *ружъемъ*)... получаются благодаря связи с прошлым языка и на основаніи своеобразных графически-морфологических пропорцій. Так напр., *шьетъ* опредѣляется пропорціей: (*бить*, *вить*, *лить*...): (*бьетъ*, *вьетъ*, *льетъ*...) = *шить*: *шьетъ*... (§ 57, 73, 103).

Пропуск *ъ* в серединѣ слов между знаками двух согласных, из которых предшествующій является „твердым" (*полка*, *носкомъ*...), при обязательном употребленіи *ь* для обозначенія „мягкости" согласнаго в серединѣ слова (*полька*, *гуськомъ*...), оправдывает, с психической точки зрѣнія, пропуск *ъ* тоже в концѣ слов, не говоря уже о чисто экономических соображеніях (*ъ* составляет около 5% всѣх букв русскаго писаннаго текста). Однакож на многія головы, начиненныя русскими графическо-фонетическими асоціаціями, отсутствіе *ъ* в концѣ слов дѣйствует раздражающим образом, точно красная тряпка на быка. (Ср. § 70).

ПОСЛѢСЛОВІЕ

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

Свое сочиненіе (но ещо без „приложеній“) я написал весною 1911 г. и сдал его в набор. Осенью того же года вышел весьма цѣнный и поучительный труд *Д. Н. Ушакова*: „*Русское правописаніе. Очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ*. Москва 1911“, касающійся в значительной мѣрѣ тѣх же вопросов. Но и способ изложенія и точки зрѣнія у нас нѣсколько другія. Поэтому я позволяю себѣ думать, что и послѣ книги г. Ушакова моя книжка окажется не лишнею.

Собственно говоря, тѣми же вопросами занималось очень много писателей, трактовавших о русском языкѣ в связи с русским письмом. Из этих многих я называю для примѣра *Я. К. Грота* и *І. И. Паульсона*.

Спеціальная работа *А. Анастасіева*: „*Отношеніе звуковъ русскаго языка къ буквамъ русской азбуки*. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“. Воронежъ, 1880“ представляет из себя просто, не всегда удачный, пересказ, с несущественными измѣненіями

и дополненіями, одного отдѣла моих лекцій по русскому языку, читанных в Казанском Университетѣ в концѣ 70-х годов прошлаго столѣтія. Конечно, я теперь во многом измѣнил взгляд и не мог бы без оговорок подписаться под тогдашними своими лекціями.

И. Б.-де-К.

С.-Петербург,
19 января (1 февраля) 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ и СОДЕРЖАНІЕ.

А. ЗАЧИНЯЕВЪ.

БУКВАРЁКЪ.

1) Прямой рукописный шрифтъ.

2) Косой рукописный шрифтъ.

Основываясь на данныхъ современной психологіи, Букварёкъ начинается со знакомаго дѣтямъ — **съ предложеній** и не переходитъ тотчасъ же къ звукамъ или буквамъ, какъ это обычно практикуется, **а, постепенно расширяя предложеніе, даетъ разсказы.** Не притупляя головы ребенка звукобуквенными упражненіями, **МЕТОДЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ** открываетъ **ПУТЬ КЪ ТВОРЧЕСТВУ.**

Такой способъ уже практикуется съ большимъ успѣхомъ въ школахъ Европы и Америки даже въ примѣненіи къ отсталымъ и слаборазвитымъ дѣтямъ.

ЦѢНА **8** копеекъ.

Богато иллюстрированное изданіе, изящное и гигіеничное.

ЦѢНА 70 коп.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

А. ЗАЧИНЯЕВА.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ.

Выпускъ VI.

ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ.

Цѣна 25 коп., Въ изящной необрѣзной папкѣ 31 коп.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ОБУЧЕНІЯ ПРАВОПИСАНІЮ и ГРАММАТИКѢ.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ. ВЫПУСКЪ I. Начальныя упражненія. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ. ВЫПУСКЪ II. Правописаніе флексій. Ц. 25 к., въ папкѣ 30 к.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ. ВЫПУСКЪ III. Повторительныя упражн. Ц. 40 к. въ папкѣ. Больш. форм. и мал. форм.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ. ВЫПУСКЪ IV. Составъ словъ, правописаніе нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и междометій.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ. ВЫПУСКЪ V. (печатается). Повторительныя упражненія.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ. ВЫПУСКЪ VI. Знаки препинанія. Ц. 25 к., въ папкѣ 30 к.

Этимологія (словопроизводство).

Морфологія (склоненія и спряженія) и **Синтаксисъ.**

Книги имѣются въ магазинахъ: **„НОВОЕ ВРЕМЯ“ СУВОРИНА — въ Петербургѣ, Москвѣ, и Харьковѣ. Карбасникова** — въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ. **Н. Ф. Іогансона и В. И. Пенкина** — въ Кіевѣ. **Въ Центральной книжн. торговлѣ въ Тифлисѣ** и проч. книжныхъ магазинахъ.

Типографія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБургъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

